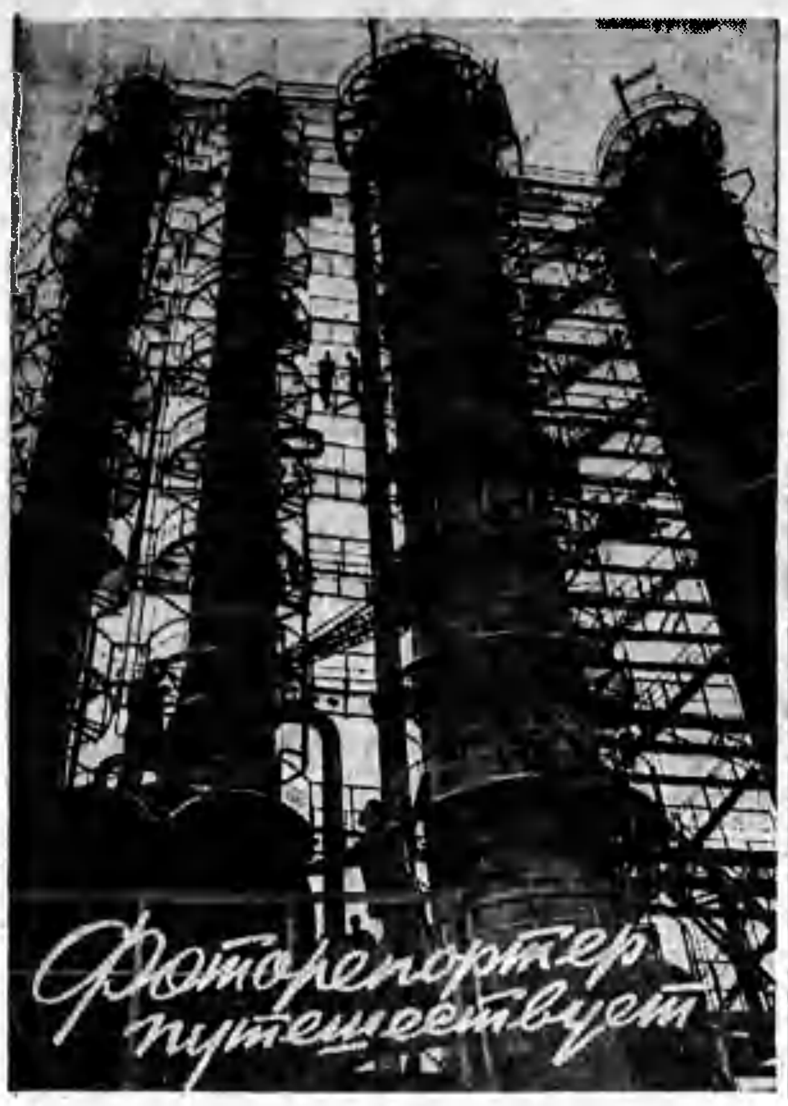
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 109 (4032)
ЧЕТВЕРГ,
15
СЕНТЯБРЯ
1966 г.
ЦЕНА 4 коп.



ПЕЙЗАЖИ ПЯТИЛЕТКИ. Новый нефтеперерабатывающий завод в Полоцке. Город Солнечный, выстроенный недавно в тайге. Снимки Ю. Чернышева

ВСТРЕЧНЫЙ МАРШ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ПОХОД молодежи по полям минувших сражений — как бы восхождение к вершине подвига народного духа.

Сыны и внуки шли по богатырским следам тех, кто четверть века назад сами были еще молодыми и были сынами и внуками поколения, отстоявшего в годы гражданской войны и интервенции тогда еще совсем юное социалистическое Отечество. В торжественном шествии тех, во имя которых и был свершен великий подвиг бессмертия, словно слились времена и поколения, и вечный огонь, зажженный на могилах павших, — это и есть тот негасимый факел, который должны будут нести молодые руки в исторические пространства будущего.

Память о великом подвиге народном хранится в сердце каждого советского человека. Она наставляет его в каждом решении, в каждом деянии. Эта память запечатлена в лучших творениях советских художников, она питает души людей гордостью, любовью, несокрушимой верностью Родине.

Юным надлежит приумножить славу народную, а смогут они это сделать лишь тогда, когда тверд будет их характер, когда выльется он в тот замечательный сплав мужества, стойкости, верности коммунистическим идеалам, который был присущ людям старших поколений и в труде, и в бою.

В нас, старших, всегда живет беспокойство — не приходит ли следующее поколение на уготовленную легкую жизнь? Что и как добавит оно в тот вклад духа и созидания, который передали ему отцы? И было немало у нас тревожных сомнений: каким оно станет, это послевоенное поколение, ради которого и стоял насмерть народ в годы великих испытаний.

Война не только унесла миллионы жизней, подвергла страну величайшим разрушениям. Не было у нас такой семьи, которая не перенесла бы страданий, трудностей жизни, оставленных нам в наследство войной. Дети слишком рано познали лишения, слишком рано стали взрослыми.

Это были невидимые раны, так сказать, бескровные, это были раны душ и сердец. Этой правде нужно было смотреть в глаза, когда мы думали о том, каким будет новое поколение. Поэтому все наши помыслы и заботы были обращены к этому поколению: нужно было исправить то, что покалечила война. Как влить великий нравственный опыт социалистической жизни народа в молодые сердца? Как сделать, чтобы биение этих сердец было биением сердец их отцов, чтобы молодые осознавали великие идеи, светом которых были озарены их отцы?

Одна из главных задач советских художников, писателей — создавать такие произведения, которые были бы частью жизни нового поколения. Это стало нашим писательским долгом, и хотя литература сделала здесь немало, ощущение этого долга и ныне жжет сознание каждого художника, вызывает в каждом необходимость быть наставником молодежи.

Усилия партии и народа сблизить молодежь с тем, что достигнуто старшими поколениями, составили самое сущность нашей жизни. И эти усилия вызвали встречное движение молодежи.

Одним из ярчайших доказательств этому и стали походы юношей и девушек по вечно памятным местам битвы народной.

Есть великий смысл в том, что в этих походах вместе с молодежью участвовали и те, кто создавал первые стройки социализма, кто сражался на войне, кто в книгах своих славил народный подвиг. Конечно, люди старшего поколения, шедшие походом по памятным местам, переживали увиденное по-своему: след прошедшей войны напоминал им об утрате тех, кто остался на этой земле. Юность же видела этих героев живыми, они жили на этой опаленной земле, в этих затянувшихся дерном или поросших травами окопах и траншеях. Для юности они — вечно живые.

Нет мерки, что могла бы оценить тот вклад в души молодежи, который она получила, пройдя по полям былых сражений. Юные шли на встречу не только с памятными местами битв. Они шли на встречу с тем океаном народного духа, который вечно останется жить в их сердцах.

Люди старшего поколения, шагая по знакомым дорогам, не узнавали земли, потому что на ней встали новые города и села. Эта новь, творимая и старшими, и молодыми,—как бы материальное подтверждение той священной клятвы, которую, собравшись на слет, произнесли молодые патриоты на Красной площади.

Походы по местам революционной, боевой и трудовой славы народа, которые молодежь совершила и еще будет совершать, какой бы протяженности они ни были, всегда придут к своему концу, всегда завершатся. Но душевное движение, вызванное этими походами, никогда не кончится. Оно будет сопутствовать каждому юноше, каждой девушке каждодневно и ежечасно. И от этого душевного движения еще сильней станет устремленность нашей молодежи, для которой вершина и образец — дух Ленина, дух коммунизма.

В ПРОСТОРЫ ВСЕЛЕННОЙ

КОНСТРУКТОР РАКЕТ ОБ ОТЦЕ КОСМОНАВТИКИ

Циолковский и Королев. Два человека, с именами которых связаны выдающиеся успехи нашего народа в освоении космического пространства. Гениальный одиночка, мечтавший в условиях дореволюционной России о невиданных дерзаниях, и конструктор, руководитель большого коллектива, который в других, новых условиях — условиях социалистического государства — начал практически осуществлять смелые замыслы отца космонавтики.

Готовясь к празднованию 50-летия Советской власти, мы с особым вниманием и интересом обращаемся к документам эпохи, историческим свидетельствам великой работы советского народа в промышленности, сельском хозяйстве, культуре и науке. Доклад крупнейшего советского ученого и конструктора, академика Сергея Павловича Королева, прочитанный им 17 сентября 1957 года на торжественном собрании Академии наук СССР, посвященном столетию со дня рождения К. Э. Циолковского, — один из таких документов. Доклад подготовлен для печати советским национальным объединением историков естествознания и техники Академии наук СССР. Нами он публикуется с сокращениями.

КОНСТАНТИН Эдуардович Циолковский — ученый и экспериментатор, самоучка по образованию, неустанными трудами самостоятельно поднявшийся до необычайных высот науки и научного предвидения. Он изобретатель, утвердивший приоритет нашей Родины рядом выдающихся изобретений и технических предложений в области воздухоплавания, авиации и особенно в области ракетной техники, имеющей сейчас столь актуальное значение.

Он ученый и исследователь, смело прокладывавший пути в новое, еще неизведанное в науке и тут же, как истинный ученый, блестяще научно обосновывавший свои открытия. И, наконец, он горячий патриот Советской Родины, неутомимый труженик и пламенный энтузиаст науки, которой он целиком посвятил и отдал всю свою жизнь.

В 1873 году шестнадцатилетний Циолковский попадает в Москву. В период московской жизни вырисовывается общее направление будущих стремлений, технических идей и работ, которым впоследствии всю жизнь следовал Циолковский.

Это мысли о том, нельзя ли воспользоваться теми или иными свойствами вещества для осуществления того или иного типа движущегося аппарата. Циолковского занимают мысли о тяжести и о средствах борьбы с тяжестью.

Так, в сознании Циолковского уже тогда зарождаются смутные идеи о возможности вылета человека за пределы земного тяготения или, как он сам говорил впоследствии, «обворожительные мечты». Первые замыслы оказались несостоятельными, первые попытки изобретать окончились неудачно, но это не охладило энергии Циолковского.

Прошло много лет упорного труда, мучительных раздумий в полном одиночестве, без поддержки, без какого-либо сочувствия, а зачастую при явном неодобрении и даже насмешках по адресу чудаковатого, полуглухого учителя школы и «сумасшедшего изобретателя», каковым считали Циолковского местное чиновничество и бюрократическая верхушка инженерно-технических слоев царской России.

В 1883 году в своей работе «Свободное пространство», представляющей своеобразный научный дневник, Циолковский рассматривает протекание простейших явлений механического движения в пространстве без дейст-

(Окончание на 2-й стр.)

![ЛГ интервью]

ЛГ интервью

К. ВОРОНКОВ, секретарь правления Союза писателей СССР, заместитель председателя Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 800-летия со дня рождения Шота Руставели рассказал нашему корреспонденту:

СКОРО мировая общественность будет отмечать 800-летие великого грузинского поэта и мыслителя Шота Руставели.

Широко развернулась подготовка к юбилею Шота Руставели в нашей стране.

Подлинным всенародным праздником станут эти дни в Грузии. Здесь выйдут в свет новые издания поэмы, монографии, научные исследования. Объявлен республиканский конкурс на лучший проект памятника Руставели для Тбилиси. Создается музей Руставели, организуется историко-этнографическая выставка. К юбилею готовятся театры, композиторы, художники, кинематографисты республики.

26 сентября в Тбилиси открывается юбилейный пленум правления Союза писателей СССР и Союза писателей Грузии. В Боржоми состоится международный форум деятелей культуры, посвященный юбилею.

ГЕНИЮ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

В Армении, Азербайджане, на Украине, в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане созданы юбилейные комитеты, в других наших республиках подготовкой к юбилею руководят писательские организации. В парках культуры, в рабочих клубах, в театрах, вузах, школах, воинских частях намечено провести вечера, встречи с писателями, народные гуляния.

В Москве Институтом мировой литературы имени Горького и отделением литературы и языка Академии наук СССР созывается научная сессия, посвященная Руставели. Юбилейные сессии состоятся в республиканских академиях Грузии, Украины, Азербайджана, Узбекистана, Армении.

«Витязь в тигровой шкуре» переведен почти на все языки мира. В СССР гениальная поэма издавалась 78 раз общим тиражом 1 350 000 экземпляров. В дни, предшествующие юбилею, поэма вновь выпущена издательством «Художественная литература» с иллюстрациями художника Левана Цуцкиридзе и издательством «Советский писатель» — в серии «Библиотека поэта». В издательстве «Знание» выйдет ряд популярных брошюр о великом поэте. А республиканские издательства выпускают «Витязя в тигровой шкуре» в переводах на языки братских народов СССР.

25 октября в Москве в Большом театре состоится торжественное заседание, посвященное 800-летию Руставели. В последующие два дня мастера искусств Грузии дадут праздничные концерты в Кремлевском Дворце съездов. С 13 по 23 декабря в столице будет проводиться Декада грузинской поэзии. Перед москвичами выступят известные грузинские литераторы и их московские коллеги-переводчики. В Центральном Доме литераторов пройдет писательский вечер. А в Центральном выставочном зале на Манежной площади откроется выставка грузинского искусства.

И наконец в Москве будет установлен памятник великому поэту.

Навстречу IV Всесоюзному съезду писателей

- **Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР О ПУТИ, ПРОЙДЕННОМ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ.**
- **НАД ЧЕМ ВЫ РАБОТАЕТЕ? — НА ВОПРОС «ЛГ» ОТВЕЧАЮТ ПОЭТЫ.**

ОКТЯБРЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

2. Образование национальных литератур более чем у 60 народов СССР (причем этот процесс не закончился, так как у некоторых небольших народностей и этнографических групп Дагестана, Средней Азии, Дальнего Севера и сейчас происходит оформление своей письменности и литературы) имеет большое международное значение. Слова «Советы», «Советская власть» — это сигнал к возрождению и обновлению народов. Он сопровождается и рождением у младописьменных и бесписьменных народов своей национальной литературы. У народов же со старыми традициями — ее обновлением.

В чем выразилось обновление старых традиций? Оно выразилось прежде всего в новой тематике и в новом герое. Например, во многих гуманистических произведениях литовской литературы господствовал герой хотя и не смиряющийся с обстоятельствами, но и не обладающий силой для их переустройства (рассказы Ю. Жемайте, повесть А. Венуолиса «Утопленница»). Ему пришел на смену другой герой, активно переустраивающий свою жизнь (в произведениях П. Цвирки, А. Венцловы, И. Авижюса). Примерно то же самое можно сказать о литературах Армении, Татарии, Латвии. Само рождение нового героя служило и служит еще предметом изображения многих национальных литератур (Либединский, Фадеев, Шолохов, Тычина, Марцинкявичюс и др.).

Литература народов СССР — и русская, и хакасская, и бурятская, и каракалпакская, и украинская, и киргизская, и армянская, и казахская, и другие — все они развивались в общении друг с другом как единая советская литература. Вот почему мы говорим с одинаковым значением «советские национальные литературы» и «советская литература». Она едина в своем содержании и многонациональна по форме.

За последние 10—15 лет мы являемся свидетелями нового этапа в развитии общесоветской традиции. Писатель, изображая национальную жизнь, опирается при этом (как, например, Ч. Айтматов) не только на свои национальные традиции, но и на традиции русской и мировой литературы. Он изображает жизнь в ее историческом развитии с общечеловеческих позиций, пронизанных коммунистической партийностью.

Особенно наглядно проявляется это в произведениях писателей ранее бесписьменных народностей и племен (чукчи Рытхэу, нивха Санги, манси Шесталова, нанайца Ходжера и др.). Эта общесоветская традиция проявляет себя, разумеется, и в литературах всех народов.

Новые условия, в которых сегодня растет писатель Советской страны любой национальности, любого поколения, делают еще более отчетливыми требования общей эстетики социалистического реализма. Новые условия — это новый уровень литературы.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ новых условий роста писателей и образование общесоюзной традиции советской литературы как литературы общечеловеческого значения обозначило и новые противоречия ее развития. Это противоречие между реализмом и некоторыми национальными особенностями, между общесоветскими и национальными традициями, между правдой и сложившимися представлениями каждого народа о самом себе.

Для первого периода развития было характерно столкновение двух тенденций в понимании того, что составляет национальную суть культуры. Отталкивание от всего русского, замыкание в националистических настроениях и устремлениях — все это становилось психологической основой буржуазного национализма. Бессознательное отталкивание от всего русского приводило к догматическому представлению о своей национальной истории. В частности, стремление во что бы то ни стало опереться на свои национальные источники приводило к возвеличиванию батыров, героических мотивов фольклора и т. п. Короче говоря, все это приходило в противоречие с фактами самой жизни.

Общесоветская традиция, в основе которой лежит ленинская любовь к истине, к правде, к реализму, естественно, приходила в противоречие с местническими увлечениями, возникавшими в разной форме у различных писателей. Она, эта традиция, сложившаяся и складывающаяся из всего лучшего, что есть в нациях СССР, сегодня определяет развитие советской литературы в ее отдельных национальных разветвлениях и формах.

Русский реализм (и критический, и социалистический) является, как сказано, фактором, вокруг которого формировался реализм и в других литературах. Естественно, что стимулом общесоветской культуры всех народов СССР становилась русская советская культура. И русский язык как язык общения для всех народов Советского государства. «...Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Когда Маяковский писал это 40 лет тому назад, то у многих народов еще была жива в памяти насильственная русификация, которую проводило царское правительство.

Но не насильственная русификация заставила украинского поэта Тараса Шевченко писать на русском языке некоторые свои стихи и дневник или осетинского поэта Коста Хетагурова свои пьесы и ряд стихов. Надо отметить, что вообще некоторые поэты разных народов СССР начинали до революции свою деятельность на русском языке. Теперь, через 40—45 лет, мы видим, как снова происходит обращение к русскому языку у ряда писателей небольших народов. Почему?

Переход на русский язык происходит по следующим причинам: из-за отсутствия развитых литературных традиций (кроме фольклорных) на своем родном языке и отчасти недостаточного разно-

(Окончание на 4-й стр.)

Статья вторая. Начало см. «Литературную газету» от 6 сентября.

Вера ИНБЕР:

НЕ ПРОСТО после долгой болезни вернуться к делам. И все же работа, от которой и устаешь, и нервничаешь, но без которой не можешь, помогает справиться с недугом, прибавляет бодрости. Так что «труды и дни» мои продолжаются.

Только что в издательстве «Художественная литература» вышел в свет четвертый, последний, том

собрания моих сочинений, где немало и впервые публикуемых вещей. Основательно я над ним поработала — так же, впрочем, как и над книгой «Страницы дней перебирая...» (ее готовит сейчас к изданию «Советский писатель»). Эта книга — дневник долгих лет, в нем — и давние, и новые мысли, и воспоминания о Маршаке, Ахматовой, Кеитко, Джеке Алтаузене... Я все еще тружусь над ней.

Вообще сейчас у меня — период воспоминаний. Собираюсь писать об А. Н. Афиногенове, об А. М. Коллонтай, с которыми была дружна много лет, о почти забытом ныне Григории Гаузнере, о Светлове. Наверное, тоже получится целая книга.

Готовлю и «мемуарный» цикл стихов «Я вспоминаю».

И, конечно, ни на минуту не оставляют меня думы про поэму о Ленине. Этот поэтический рассказ о поездке по ленинским местам в Швейцарии, о беседах с теми, кто видел Ильича, о нем самом, я надеюсь, станет моим вкладом в литературу юбилейного, 1967 года.

□

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ:

ТОЛЬКО что в издательстве «Советский писатель» вышел однотомник моей лирики «Шар земной». В нем — часть уже известных стихов и новые, написанные после путешествий по разным странам.

Каждый писатель знает, что за итогом, каким всегда бывает в творчестве новая книга, наступает пора раздумий, замыслов, поначалу неопределенных и меняющихся. Вот и я сейчас — на подступах к очередной работе и, как всегда, боюсь — да, боюсь, ибо это очень ответственно! — в полный голос говорить о книге, которая должна выйти в знаменательном

тельном тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году...

Пока книги нет, есть замыслы — самая волнующая и трудная пора в творчестве, пора предвкушения. Это и радость, и мука. Потому что я не принадлежу к поэтам, пишущим легко, и всегда прихожу к радости свершения через муки слова. Как говорил великий Саади:

Караван моей любви
Идет по трудной дороге...

Так и у меня в поэзии. И недаром именно эти строки Саади я поставлю эпиграфом к новой книге. Я еще не знаю, как она будет называться, хотя уже чувствую ее тяжесть на своей ладони. Знаю, что это будет лирика, что в ней я не раз обращусь к стихам Саади и Хафиза, отмеченным народной мудростью и гражданской устремленностью. Последнее представляется мне особенно важным. Ведь сегодня еще появляется довольно много лирических стихов, лишенных этой устремленности. Слов нет, лирика нам нужна, но всегда НАСЫЩЕННАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬЮ.

Надеюсь, мне удастся передать это чувство в своих новых стихах. Получится ли? Об этом судить читателям. А для меня книга, на обложке которой будет стоять гриф «год 1967-й», — навсегда станет книгой особенной.

ДУШАНБЕ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении писателя Сивцева Д. К. (Суорун Омоллона) орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Сивцева Дмитрия Кононовича (Суоруя Омоллона) орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 13 сентября 1966 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении писателя Штейна А. П. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Штейна Александра Петровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 14 сентября 1966 г.

Моментальные снимки

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

Некрасов в своей сатирической поэме «Современники» писал об одном энергичном предпринимателе, что тот «...стяжал в коммерческом мире великую славу и львиную долю себе выделял из каждого крупного дела по праву». Попадись эти строки сегодня на глаза африканским львам, они бы только горько улыбнулись. Львиная доля?! Если взять, например, такое коммерческое дело, как, скажем, выпуск долгоиграющей пластинки с записью рычания хищных зверей, то на долю львов не перепадает и ломаного гроша. Рычи не рычи, а все деньги от продажи пластинки туристам текут в кассу Национального парка Крюгер (ЮАР), осуществившего, как пишет газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг», это доходное начинание.

Но если, как следует предполагать, цари зверей равнодушно посматривают на такого рода предприятия, то королям модернистской «конкретной» музыки есть над чем призадуматься. «Конкретная музыка, — пишет газета «Фигаро», — рискует быть побитой на своей собственной территории: на рынок выбрасывают все больше и больше «пластинок с шумами»... Эти записи предназначаются сегодня для широкой публики».

Перечислив ряд модных шумов (вокзал, буря, канонада, автомобильные гонки, запуск ракеты и т. д.), парижская газета добавляет, что безработные артисты могут «плодотворно специализироваться на испускании «криков ужаса», пользующихся большим спросом».

По мнению «Фигаро», «...эти пластинки представляют собой тем более прекрасное дело в коммерческом плане, что нет никакой необходимости платить создателям шумов». Поистине львиную долю доходов забирают себе предприниматели. Так сказать, много шума — и никому ничего. Самое время сколачивать квартеты из ослов, козлов, мартышек и косолапых мишек. Никакие суждения соловьев в расчет не принимаются.

И. СЕНТЯБРЬ

— Это ваши крики ужаса?

(«Фигаро»)

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ, СОВЕТУЕТ, КРИТИКУЕТ

Почему нет «дней прозы»?

ПОКЛОННИКАМ стихов очень нравятся «дни поэзии». Основное достоинство их — в непосредственном общении читателя с поэтом. Как приятно услышать новое произведение от самого автора, прежде чем оно начало свою вторую жизнь в устах чтеца, в книгах!

Каким бы большим дарованием ни обладал чтец и как бы низко ни котировались актерские данные поэта, я всегда предпочту второго. Он читает свое произведение, свою боль, свою радость!

Но почему никогда читатель не слышит живое слово наших прозаиков? Нет, речь идет не о читательских конференциях и творческих встречах с авторами, где можно получить автограф и задать тысячу вопросов. Речь идет о возможности просто слушать писателя.

Именно необходимость в непосредственном, прямом—через живое слово—контакте с Шолоховым, Фединым, Леоновым, Паустовским, Симоновым и другими выдающимися писателями испытываем мы, читатели. (К тому же, честно говоря, мы начинаем забывать, как вы выглядите, наши добрые друзья: ведь в ваших сборниках публикуются фотографии 40—50-х годов.)

Можно назвать эти встречи «днями прозы» — уверен, после первой же из них от прозаичности названия и следа не останется. Можно не называть никак. Но я так и вижу афишу: «В Колонном зале Дома союзов К. Симонов читает главы из своего нового романа...» Появись такая афиша, Колонный зал буквально «разнесут» ценители литературы. И пускай!

«Проза не поэзия, — возразят мне. — Так сжато и концентрированно, как поэту, писателю не удастся изложить свои мысли». Но позвольте, ведь речь идет о наших больших мастерах прозы. Не только час, но два и три, затаив дыхание, будут слушать их читатели, благодарные писателю за то, что он доверил им новое, еще не опубликованное произведение.

А какие огромные возможности эстетико-художественного воздействия на читателя кроются в живом слове большого мастера!

А. МАЛИНОВ,
инженер

Энциклопедия Мирового океана

ПОЧТИ три четверти поверхности Земли покрыто водой. Мировой океан — не только регулятор многих физико-химических и биологических процессов на нашей планете, но и гигантская кладовая природы, мощный аккумулятор и преобразователь энергии, сфера деятельности мирового судоходства. Огромное количество самых разнообразных проблем — развитие ряда важнейших отраслей хозяйства, увеличение пищевых ресурсов человечества, добыча полезных ископаемых из-под воды, прогноз погоды — связано с изучением морей и океанов. Всестороннее и полное познание голубого континента является первым этапом в широком использовании его богатств.

Обладая значительным и разнообразным флотом научно-исследовательских судов и весьма квалифицированными кадрами, наша страна вносит весомый вклад в науку о Мировом океане, что наглядно подтвердилось на международном конгрессе, прошедшем в этом году в Москве. Советская океанографическая наука по праву может гордиться своими успехами, но самые большие успехи несомненно ее ждут впереди.

Наша Родина — великая морская держава. Четырнадцать морей и три океана омывают ее берега. Голубые дороги океанских просторов соединяют наши гавани со всеми материками. В течение года советские суда заходят более чем в 800 морских портов 70 стран мира. Советские моряки ловят рыбу в Атлантическом, Северном и Тихом океанах, охотятся за китами в Антарктике, за тюленями в Атлантике.

Но ни одной практической пользой привлекательны океанские глубины. Многими шедеврами мирового искусства мы обязаны морской стихии. Суровая красота бесконечных водных просторов облагораживает человека.

Сегодня мы стали свидетелями нового единоборства человека с природой—начала всеобщего штурма океанских глубин. Наша страна в этом штурме принимает самое активное участие. Поэтому овладение широким кругом морских знаний имеет для нас огромное значение. К сожалению, это сейчас затруднено, так как многочисленные публикации по океанографической тематике разбросаны во многих, порой мелких, изданиях.

В СССР издано несколько отраслевых энциклопедий — экономическая, сельскохозяйственная большая медицинская, однако морской энциклопедии до сих пор мы не имеем. А необходимость в ее издании давно назрела. Нам кажется, советская «Морская энциклопедия», рассчитанная на самый широкий круг читателей, должна популяризировать морское дело, на научной основе освещать достижения в использовании морских богатств, показывать многообразную деятельность нашей страны на просторах Мирового океана.

Издательству «Советская энциклопедия», видимо, следует принять необходимые меры в организации издания «Морской энциклопедии».

И. АРТОБОЛЕВСКИЙ, академик; **Н. ИСАКОВ**, адмирал флота — министр рыбного хозяйства СССР; **В. КОРОЛЕВ**, инженер-капитан; **В. БАКАЕВ**, доктор технических наук; **И. ПАПАНИН**, дважды Герой Советского Союза; **А. ИШКОВ**, Герой Советского Союза.

«Мое дело маленькое!»

НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ли вам, дорогой читатель, получая очередной том подписного издания, с горькой досадой перебирать пяток-другой экземпляров, пытаясь найти один сносный? Побит корешок, смяты, а то и раздроблены углы... И как побиты, как смяты! Не спас их футляр из картона.

Кто же так варварски обращается с книгами?

Однажды я невольно стал свидетелем такой сцены. Молодой человек, мускулистый, сильный, брал с грузовика пачки книг и с размаху бросал их в открытый люк. Бросал так, что аж доски стонали и вздрагивали. От такого швыряния книгу не убережет и футляр из кровельного железа.

— Что вы делаете! — сказал я с упреком. — Побьете книги!

— Мое дело маленькое — доставить..

В типографии разработан сложный технологический процесс, позволяющий каждый экземпляр книги, итог труда многих людей, выпускать аккуратным, красивым томиком. Строгий ОТК бракует книгу за погрешности в переплете: за неправильно склеенный блок, за плохо оформленные углы... А тут — бах! — и весь этот труд насмарку.

«Деяния» молодого человека, о котором я говорил, — надругательство над книгой. Но ведь такие работники — не вольные птицы, есть же у них и начальники! И было бы справедливо — подошел такой человек к кассе получать зарплату, а ему говорят:

— Получать нечего: вычли за испорченные экземпляры.

А то и так:

— За порчу книг передаем дело в суд!

С. АНТОНОВ

МОСКВА

Кто автор «автора шайбы»?

МНЕ систематически приходится бывать в разных аудиториях, где ко мне как к лектору часто обращаются с вопросами о засорении литературного языка канцеляризмами, о неправильном употреблении отдельных слов.

И действительно, в печати, по радио, в телевизионных передачах то и дело проскакивают разные слишком уж обиходные словечки.

Например: «на всю катушку». Или часто злоупотребляют словом «прописка». Кого только не «прописывают» — и рыбу, и ондатру, и талант, и футбольный кубок, и расизм, и совхоз, и боевое знамя. Наконец, недавно по радио передали: «получили прописку новые формы работы». Другой пример — никчемное жонглирование словом «хозяин»: «золотые медали обрели хозяев», «золото обрело хозяйку», «рекорды обрели своих хозяев», «хозяйкой выставки стала хризантема», «широкая песня была хозяйкой» и т. п.

С легкой руки какого-то комментатора часто стали употреблять выражения «автор гола», «автор шайбы»; более неудачное сочетание, чем «автор гола», по-моему, вообще трудно придумать!

Н. В. ЧЕКАРЕВ,
лектор-международник

Нева течет... к Ладоге

Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», — не верь глазам своим.

К. ПРУТКОВ

ПЕРЕДО мной лежит приятно оформленный цветными и черно-белыми фото краткий справочник-путеводитель «Интуриста» по Ленинграду, выпущенный Внешторгиздатом на французском языке.

Излишне утверждать, что такого рода издание должно быть скрупулезно точным. Но вот открываю первую страницу, вижу схему центра Ленинграда и поражаюсь: вдруг узнаю, что река Нева течет... к Ладожскому озеру — так указывают стрелки. На той же схеме имеется цифра 29, а в пояснении к схеме и в тексте об этом объекте ничего не сказано. Далее над фотографией Зимней канавки напечатано: «Лебяжья канавка»..

Мы с удивлением узнаем, что Петербургский университет «дал миру» (то есть в нем учились) Менделеева, Сеченова. Но это же совершенно неверно: Менделеев учился в Главном педагогическом институте, Сеченов окончил Московский университет.

В то же время не сказано, что в Петербургском университете учились: брат В. И. Ленина А. И. Ульянов, изобретатель радио Попов, академик Павлов и еще многие ученые с мировыми именами.

В. Н. ПЯСКОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

РАЗЪЯСНЕНИЕ ВНЕШТОРГИЗДАТА

Текст и проспекту «Ленинград» (издание 1963 года) был подготовлен Ленинградским отделением ВАО «Интурист» и представлен нам отделом рекламы Управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР.

С замечаниями тов. Пясковского нельзя не согласиться, — они справедливы. Замеченные им ошибки в последующих изданиях справочников по Ленинграду исправлены.

Ведущий редактор А. Игнатенко и художественный редактор А. Мухина, участвовавшие в подготовке проспекта, у нас теперь не работают.

Главный редактор Внешторгиздата
В. КАДЫШЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 стр. 15 сентября 1966 г. № 109

ФОТОРЕПОРТЕР ПУТЕШЕСТВУЕТ

Кавказ подо мною

СМОЛЕНСКАЯ ОСЕНЬ

Иван ВОРОНИН

ВЕЧЕРЕЕТ. Только что отшумел долгожданный «парной» дождь. Мы бродим по мелкому густому березничку, и мои спутники, все люди бывалые, отвоевавшие, то и дело останавливаются у поросших кустарником старых воронок.

— От ста пятидесяти двух.

— А это — «пятисотка»...

Весь день мы с председателем колхоза «Советская Армия» Леонидом Вениаминовичем Эльгудиным мотались из конца в конец его большого хозяйства. У березничка остановились случайно. Эльгудин, хоть и водит машину мастерски, но, по собственным словам, «вкрай отмотал руки баранкой», и не мудрено — в колхозе около десяти деревень. Вышли. И вот они, следы войны...

Мы побывали уже на опустевших ныне послевоенных «хуторах», где когда-то ютились в блиндажах и землянках обездоленные семьи. Но только здесь, в березничке, на земле, которая не успела еще залечить свои раны, до конца осозналось: на Смоленщине нет хозяйства, которому от роду было бы больше четверти века. И от этой мысли все, что я потом узнавал и о колхозе «Советская Армия», и о Рославльском районе в целом, стало приобретать особую окраску.

Рославльский район для Смоленщины — по всем признакам «не выдающийся», средний, можно сказать, типичный. Не большой, не малый, двенадцать колхозов, одиннадцать совхозов, есть и промышленность. В одних сводках стоит он в числе передовых, другие же свидетельствуют о снижении темпов «по сравнению с тем же периодом прошлого года».

Московских журналистов, приезжающих в область, предпочитают направлять в соседний, Починковский район. А в Рославльском, считая и сам город, был я, как утверждают, за долгие годы вторым...

РАЗМЫШЛЕНИЯ о некоторых хозяйственных итогах полутора лет, прошедших после мартовского Пленума ЦК, потребуют, естественно, цифр и расчетов. Но начну я не со статистики, а с рассказа об одном эпизоде, очень, на мой взгляд, примечательном и символичном.

Утром, когда мы с Леонидом Вениаминовичем только-только уселись за сводки годовых отчетов, задребезжал телефон. Звонила зоотехник Лена, звонила из города, срочно просила приехать на мясокомбинат — директор наотрез отказывается принимать очередную партию телят.

Вениаминыч, так зовут председателя колхозники, поднялся:

— Извините, придется поехать. Сам же он обещал принять после первого сентября. Да и дела всего — тридцать каких-то голов. Только у них комиссия недавно была, обнаружили партию свинины, что больше положенного срока хранилась. Видать, теперь осторожничают. А нам тоже взад-вперед не с руки возить. День бескормицы — немало веса потеряют.

Поехали вместе. И выяснилось: с прошлого года для многих хозяйств Рославльского района неожиданно острой стала проблема **не производства, а реализации** продуктов животноводства. Бойни еле успевают перерабатывать поступающий скот. У холодильников, по словам директора районного мясокомбината П. С. Потапенкова, «потолки трещат от свиных туш», торги затовариваются, не дают нарядов на отгрузку мяса.

Быть может, дело лишь в недостаточной емкости морозилок именно Рославльского комбината? Едва ли. На ряде подобных и гораздо более мощных предприятий области картина сходная. Только ли со свининой так обстоит дело? Нет. В том же Рославле оба молокозавода работают с полуторной нагрузкой. К ноябрю изо всех сил торопится закончить строительство холодильника на тысячу тонн масла и сыра. Склады заводиков, перерабатывающих лен, завалены трехгодичным запасом сырья.

И председатель «Советской Армии», человек, который, по словам одного из колхозников, «в сельских делах, что Ботвинник в шахматах, — на много ходов вперед видит», с глубокой убежденностью говорит:

— Год-другой — и конкуренция между колхозами начнется. Борьба за рынки. Это я точно прикидываю...

Из всех проблем, стоящих сейчас перед сельским хозяйством, именно эта представляется Леониду Вениаминовичу самой важной и сложной. Быть может, он что-то преувеличивает или недоучитывает? Сомнительно. Расчетлив Эльгудин, надо сказать, чрезвычайно.

Председатель «Советской Армии» до тонкости знает положение на каждом участке своего большого хозяйства, прекрасно представляет, что колхозу по силам уже сегодня, а с чем придется и обождать. С легкой душой платит он за нужную работу немалые суммы, в том же, что не сулит артели хоть какой-то выгоды, откровенно прижимист.

Оптом закупить для колхозников партию в несколько десятков телевизоров новейших марок и раздать их в рассрочку всем желающим — ничего для него не составляет: «А как иначе? Этим я новых людей привлекаю». Выделить бесплатно машину для перевозки на базар собранных по усадьбам яблок? «Колхозные я б и на Дальний Восток отправил, а свои — на свои деньги и свезут. Получают немало».

Доходы у колхозников действительно хорошие. Ежемесячный фонд зарплаты в хозяйстве — около сорока тысяч рублей. Это при трехстах восьмидесяти-то трудоспособных! Пастухи и доярки зарабатывают по 150—170 рублей в месяц, животноводы, занятые на откорме, — по 200.

Твердый план, свобода маневра землей, возможность каждому работнику платить по его реальному труду — в этом председатель Эльгудин видит главные причины резкого — в два раза возросшего по сравнению с 1964 годом — роста доходности артельного хозяйства. Во всех его отраслях.

Поступления в кассу за счет продажи зерна по сравнению с 1964 годом возросли в четыре раза, средний заработок полеводов перевалил за сто рублей. Нынче без всяких «рекомендаций сверху» продали два плана хлеба, могли бы и больше вывезти, но: «Хозяйственного расчета нету, не одним же силосом кормить скот».

Хозяйственный расчет теперь — «царь и бог». Прежде «обязательные», но в местных условиях малоценные культуры занимали почти пятую часть пахотных земель. Из-за этого вынуждены были нарушать азбуку агротехники, сеять рожь по ржи, пшеницу по пшенице, теряли на этом сотни тонн зерна.

После мартовского Пленума восстановлена разумная структура посевных площадей. Кукурузу и горох возделывают строго по потребностям хозяйства; с участков, где проведены были мелиоративные работы, — а они составляют сейчас почти десятую часть всех земель, — собирают по 25—30 центнеров «злополучного» овса.

Результат? Доля зерновых в посевах возросла с 30 примерно до 50 процентов, валовой же сбор увеличился более чем вдвое. Случайность, удачный год? Да нет. С пятого июля по шестое августа не выпало ни капли дождя.

Но даже и при таких погодных условиях колхоз этой осенью, как и в прошлом году, не купит ни килограмма концентратов: скот полностью обеспечен кормами. Подлинная свобода планирования расковала внутренние силы общественного хозяйства, позволила разорвать недавно еще для многих заколдованную цепь: нет зерна — мало скота, мало скота — не хватает удобрений, мало удобрений — откуда быть зерну...

И, наконец, еще об одном очень важном обстоятельстве. В «Советскую Армию» вступило вновь почти сто человек. Переезжают сюда и горожане-строители, и демобилизованные солдаты, и рабочие окрестных совхозов. И это не только потому, что в колхозе выросли заработки: здесь умеют по-настоящему заботиться о людях.

Характерно, что приток новоселов начался лишь в последнее время. Когда возросшие доходы позволили колхозу отстроить тридцать семь одноквартирных домов, ясли на пятьдесят малышей, неплохой клуб, заложить отличную, со спортивным залом школу-восьмилетку. И все — за два года.

Эльгудину, оборотистому, опытному хозяину, удается многое. Материалами разживается, добрые деньги строителям платит, даже газовые плиты сумеет достать. Ну, а там, где колхозы еще послабее? Где один лишь чисто хозяйственные заботы до конца поглощают всю энергию руководителей?

— Хорошо бы, — говорит Леонид Вениаминович, — чтоб в районы, сильно от войны пострадавшие, выделяли побольше шифера, стекла, цемента. Да техники строительной. Да мастеров. Смоленщине больше многих других пришлось вынести. Если дать жилье настоящее, так при нынешних колхозных заработках многие на деревню потянутся. Не одно хозяйство за год, за два можно было бы выправить. Только об этом не здесь толковать следует. Повыше, в самом, наверное, Госплане.

И думаю, что к словам председателя колхоза «Советская Армия» надо обязательно прислушаться.

РОСЛАВЛЬ—МОСКВА

В ПРОСТОРЫ ВСЕЛЕННОЙ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

вия сил тяготения и сил сопротивления среды.

Рассматривая способы сообщения движения телу в свободном пространстве, Циолковский приходит к своему самому основному и важнейшему принципиальному выводу, что проще всего сообщить движение неподвижному телу (или изменить имеющееся движение) отбросом массы, то есть реакцией отбрасываемых от данного тела частиц.

В статье «Свободное пространство» еще нет количественных результатов, все заключения строятся на качественных выводах из закона сохранения количества движения для замкнутых механических систем, но целесообразность использования реакции истекающей струи для перемещений в свободном пространстве сформулирована отчетливо и ясно.

В 1896 году Циолковский окончательно приходит к выводу, что единственным техническим средством для вылета в надатмосферное пространство является ракета. В 1903 году Циолковский опубликовал свою работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Эта классическая работа по праву считается первой в мире научной работой, посвященной вопросам теории движения и целому ряду важнейших принципиальных технических предложений в области ракетной техники.

При разработке теории, при исследовании законов движения ракет Циолковский придерживается в своих работах строгой последовательности. Вначале он решает простейшую задачу в предположении, что при полете ракеты отсутствуют сила тяжести и сопротивление воздуха. Эта задача называется сейчас **первой задачей Циолковского.**

Им вводится предположение о постоянстве относительной скорости отброса частиц для определения веществ отброса. Это предположение называется **гипотезой Циолковского.**

Им написано основное уравнение движения ракеты в среде без воздействия внешних сил, известное под названием **формулы Циолковского.** В этом уравнении отношение веса топлива к конечному весу пустой ракеты называется **числом Циолковского.** Им написан ряд теорем, носящих его имя.

При расчете движения ракеты усложняющим фактором является значительное изменение массы ракетного аппарата во время движения. Это условие не позволяет использовать для расчета формулы классической механики. Несомненной заслугой Циолковского при создании теории ракет является разработка ряда прикладных задач нового раздела классической механики — механики тел переменной массы, — выполненная им самостоятельно, независимо от других подобных работ.

Рассмотрев движение ракеты в среде без воздействия внешних сил, Циолковский тщательно исследует влияние сил тяжести и сил сопротивления воздуха на полет ракеты. Необходимо отметить характерную черту Константина Эдуардовича — он был упорным борцом за преодоление сил тяжести, считал силу земного тяготения как бы цепью, приковывающей человечество к поверхности нашей планеты. Область действия сил тяготения он называл панцирем тяготения.

Почти во всех своих работах Циолковский неизменно возвращается к вопросу о борьбе с тяжестью. Им были проведены исследования и расчеты по определению запасов топлива, необходимых для преодоления панциря тяготения, и нахождению тех оптимальных условий, при которых затрата энергии при взлете ракеты была бы наименьшей...

В своих теоретических работах Циолковский приходит к целому ряду капитальных выводов, которые и по сей день широко используются в ракетной технике.

Более того, по мере все большего развития практических работ и совершенствования ракетной техники все больше и все точнее подтверждаются многие выводы и предположения Константина Эдуардовича, высказанные им очень давно...

Особенность творческого метода Циолковского заключалась в глубокой практической разработке каждой рассматриваемой задачи. В условиях царской России Циолковский имел ограниченные возможности для экспериментирования, он не располагал ни оборудованными лабораториями, ни опытными стендами, ни конструкторскими бюро и заводами. Он не имел помощников, ему были свойственны крайняя независимость и самостоятельность.

Но он не просто теоретизировал, а с неключительной проницательностью и глубиной окружал все свои, иногда столь необычайные, теоретические выводы такими серьезными и подробными практическими соображениями, что огромное большинство из них нашло применение и широко используется по сей день во всех странах мира, занимающихся ракетной техникой.

Трудно переоценить все значение предложения Константина Эдуардовича о составных многоступенчатых ракетах и ракетных поездах. По существу, это предложение открыло дорогу человечеству в космическое пространство.

Им были рассмотрены вероятные жизненные условия будущих межпланетных путешественников в ракете. Для предохранения людей от воздействия ускорения при взлете и торможении ракеты им предлагалось погружать их в особых костюмах в ванны с жидкостью, обладающей плотностью, близкой к плотности человеческого тела.

Предугадывая, что длительное пребывание в среде без тяготения может оказаться для человеческого организма трудно переносимым, Циолковский предлагал создавать искусственное поле тяготения при полете на межпланетной ракете или искусственном спутнике Земли.

Циолковский не подвергал сомнению возможность жизни человека в космическом пространстве при создании определенных условий.

О расчетах знали и запуски пиротехнических ракет наблюдали очень многие и задолго до Циолковского. Однако только Циолковский предложил реактивный прибор, подобный ракете, как новое и единственное техническое средство для достижения невиданных скоростей и высот полета и вылета в безграничный мир космоса. В этом — величие таланта Циолковского, его исключительная самобытность и оригинальность.

Циолковский расширил границы человеческого знания, и его идеи о проникновении на ракете в мировое пространство только в наши дни начинают познаваться во всей их грандиозности.

Долгие годы, большую часть жизни прожил и трудился Константин Эдуардович в тяжелейшей обстановке царской России, окруженный непреодолимой стеной невежества и равнодушия.

«Основной мотив моей жизни, — писал он, — сделать что-нибудь полезное для людей, не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хоть немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы. Но я надеюсь, что мои работы, может быть, скоро, а может быть, в отдаленном будущем, дадут обществу горы хлеба и бездну могущества».

Великая Октябрьская социалистическая революция была той могучей силой, которая вдохновила шестидесятилетнего Циолковского на новые творческие дерзания и предоставила ему неслыханные возможности. Его имя и его труды стали известны и близки советскому народу...

Он дожил до тех дней, когда его заветные мысли о ракетах и о покорении человеком звездных пространств перестали считаться несбыточной фантазией и сделались научной и технической проблемой нашего времени.

Сегодня мы можем сказать, что научное наследство Циолковского, переданное большевистской партии и Советской власти, не хранится без движения и не воспринимается догматически, а творчески развивается и успешно продолжается советскими учеными.

В настоящее время, видимо, еще невозможно в полной мере оценить все значение научных идей и технических предложений Константина Эдуардовича Циолковского, особенно в области проникновения в межпланетное пространство.

Время иногда неумолимо стирает облики прошлого, но идеи и труды Константина Эдуардовича будут все более и более привлекать к себе внимание по мере дальнейшего развития ракетной техники.

Константин Эдуардович Циолковский был человеком, жившим намного впереди своего века, как и должно жить истинному и большому ученому.

«ЛУНА-11» В ПОЛЕТЕ

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Второй советский искусственный спутник Луны — автоматическая станция «Луна-11» продолжает свой полет.

К 12 часам московского времени 14 сентября 1966 года станция «Луна-11» завершила 141 виток вокруг Луны.

За истекшее время со станцией проведено 80 сеансов радиосвязи. По данным телеметрии, бортовые системы и научная аппаратура функционируют нормально. Станция продолжает передавать ценную научную информацию.

Радиосвязь со станцией «Луна-11» устойчивая.

УЛЫБКИ НОМЕРА

Марк ЗАХАРОВ

Оптимисты

— Нехорошо выглядеть такими угрюмыми, можно даже сказать безрадостными, — сказал я собравшимся у меня в кабинете представителям нашей районной культуры. При этом я постарался придать своим чертам искрящуюся веселость.

Но мне так и не дали как следует развеселиться.

— Снижите, пожалуйста, — восклицнул главный режиссер нашего районного драмтеатра, — можно ли, наконец, поставить в нашем районе хотя бы один спектакль с условным оформлением? Можно ли, наконец, ограничиться одними деталями?..

— Ограничиться можно будет, — перебил я главрежа. — Но со временем.

— До каких пор ждать? — тотчас же вспылил главреж.

— Сейчас принимаем, до каких, — сказал я спокойно и придвинул к себе счеты. — Спектакли с условным оформлением появились в столице примерно 12 лет назад, так? — и я отбросил указанное количество костяшек. — В столицах союзных республик они объявились спустя 5 лет, правильно? — я отложил еще пять костяшек. — В крупных промышленных центрах они заявились, соответственно, еще через четыре года, в областных городах — через три, стало быть, в районных центрах их появление целесообразно приурочить к будущему году. Ясно? Считайте дорогой! — ободрил я главрежа. — С будущего года держайте!

— А что же в нынешнем? — поинтересовался главреж.

— В нынешнем году в нашей области держать нецелесообразно, — объяснил я ему. — Преждевременно.

Присутствующие ответили мне нездоровым гулом. Тотчас же послышались голоса молодых представителей культуры:

— А как насчет джаза?

— А как же с конкурсом красоты?

— А вечернее молодежное кафе?

— А что с твистом?

— С твистом, товарищи, положение на редкость тревожное, — честно признался я, сделав огорченное лицо. — На республиканском одной только самбы совместно с мамбой мы уже выплатили столько авторского гонорара, сколько за все ча-ча-ча, йе-йе и хали-гали вместе взятые. — Я отбросил влево все имеющиеся на счетах костяшки. — Следовательно, вышеуказанным твистом мы сможем вплотную заняться непосредственно после 1999 года.

Несмотря на мои хорошо аргументированные и мотивированные ответы, среди присутствующих росло чувство острой неудовлетворенности.

— Зачем же так нападать и без того непринужденную, товарищескую обстановку? — заметил я раздосадованным представителям. — Нашего руководящего земляка Ивана Ивановича отстранили от культурной работы в столице только в этом году. Следовательно, — я снова пододвинул к себе счеты, — нам с вами, дорогие товарищи, еще, как говорится, жить и работать.

— Оптимист! — приняли мне зарвавшиеся представители и стали шумно выражать свое несогласие с моим последним заявлением. Оптимисты.

□

Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ

Мысли без повода

● Миг — это единица измерения счастья.

● Если ты решил встать за человека грудью, то не забывай, что нужно быть впереди него, а не позади.

● Бывают ситуации, когда возлагать надежды, — это все равно, что возлагать вины.

ДОМЫСЛЫ БЕЛЛЕТРИСТА

Феликс КУЗНЕЦОВ

И ТАК, еще один роман, где на фоне «багрово-холодеющего неба» «цветет, клубится, пьянит неистовая сирень» и «щебечут озорные ручьи», где у героя «будто вырубленное из белого мрамора» лицо, а у героини «по-лебяжьи белое тело»? По всей видимости, да, только на этот раз не просто роман, но «роман в повестях». Он населен столь хорошо знакомыми нам «улыбчивыми» мужчинами «с прищуренными озорными глазами» и обольстительными женщинами, у которых не глаза, но «огромные доверчивые очи», а уж если глаза, так обязательно «дымно-васильковые», на худой конец — «зеленовато-карие», удивительные, непонятные. По установившейся для такой беллетристики традиции «лукавые бесенята» так и прыгают в них: «В ее светло-карих глазах снова запрыгали лукавые бесенята»: «насмешливые чертенята прыгали в ее зеленовато-карих прищуренных глазах».

«О, эти прищуренные непонятные глаза!.. Они близко-близко. Эта розоватая, нежная кожа, эти твердые, упрямые скулы. Ямочка на левой щеке. Одна смешная, милая ямочка... Когда их губы слились...» — стоп! Оборвем цитату. Цитировать роман Вл. Федорова можно до бесконечности — он написан по надежным, проверенным канонам ремесленной беллетристики. И все-таки не это — не «озорные» чертики и бесенята, не «озорная любовь» (так названа одна из глав) — главное содержание романа. Главное же, если верить аннотации издательства, в том, что герои романа «мужественно борются с нездоровыми явлениями в жизни и в искусстве, с влиянием буржуазной идеологии».

Вл. ФЕДОРОВ предпринял смелую попытку написать роман о советской художественной интеллигенции в первые послевоенные годы, осмыслить сложные и противоречивые процессы творчества, соотношение старых и молодых литературных сил. Подобный замысел предполагает высокую эстетическую и философскую культуру, глубину и точность социального мышления автора. Он немыслим без серьезной и цельной идейно-эстетической концепции жизни и искусства.

Какова концепция романа «Вечный огонь»? Каким видится автору положение дел в нашей послевоенной литературе?

«Касьян Степаныч был человек крутой закваски... Любимым его словечком было «свистуны-низкопоклонники». И горе тому, на кого оно обрушивалось...

— Фронтовик? Мне нужны парни, на которых можно опереться... Всяких сморчков, слюнтяев, хлыщей, маменькиных сынков — под зад метелкой! Свистуны-низкопоклонники! И среди преподавателей есть эта бацилла. Присмотрись» — такими словами встречает руководитель московского Литературного института Виктора Брагина, начинающего поэта, приехавшего после демобилизации учиться в столицу. Виктор присматривается и без труда обнаруживает, что «свистуны-низкопоклонники» заполонили писательскую Москву. Перед его (и нашим) взором проходит бесконечная галерея низких, мелких душой и помыслами, своекорыстных людей и людишек, которые и призваны автором представлять послевоенную советскую литературу. Вот эти монстры своекорыстия и безыдейности: «седовласый мрачный сноб», «маститый автр с медным лицом» Вроинслав Млечный; его ученик и почитатель, главный редактор журнала «Восход», автор драмы в стихах «Встреча в преисподней» («могучие плечи в клетчатой ковбойке и по-женски округлое лицо») Леонид Шмелев; безликий очернитель, автор «густо-ароматной повестушки» Кудиаров; беспринципный критик-приспособленец, «округлый и обтекаемый» Эжен Дальников; его жена-пустышка, заведующая отделом поэзии журнала «Восход» Тараканова,—целый сонм оторвавшихся от народа, пропитанных буржуазной идеологией людей, которые вершат дела в журнале «Восход» и чуть ли не определяют судьбу советской литературы.

На протухших дрожжах «Восхода»—если верить роману, единственного журнала в столице, — растет молодая смена: модный поэт-модернист Марат Манин (у него «ясные глаза пророка. Смотришь... и не видишь ни длинных ног, ни хрупких плеч... Только холодные ясные глаза»), его подруга, жантильная поэтесса Нонна Непомнящая («наивные круглые глаза. Длинные, пушистые ресницы... О, эти круглые недоуменные глаза! От них бросало в дрожь»).

Тлетворное влияние чуждых идей и настроений так велико, что даже друг Виктора Брагина, «невысокий жилистый плясун» Сашка Лапушкин, поступив в Литинститут, становится поклонником Маннна. Не в силах устоять перед таким напором светлая, чистая девушка Лариса Велегурова тоже полюбила «все острое, немножко с душком» и даже «околдовала» своего мужа, молодого скульптора Игоря Велегурова, того самого, у которого лицо, «будто вырубленное из белого мрамора». По убеждению автора, «свистуны-низкопоклонники», падкие на «все острое, с душком», заполонили не только литературу, но и смежные виды искусства — музыку, театр.

Эти отвратительные в своем цинизме и ничтожестве персонажи в массе своей воссоздают тяжелую и трудно объяснимую картину: если верить роману, подавляющее большинство советской художественной интеллигенции в послевоенные годы стояло на антинародных, эстетских, снобистских позициях. Вл. Федоров пытается дать и объяснение тому: редактор журнала «Восход» Шмелев по происхождению «хуторянин, завтрак всегда в сторонке жевал»; в жилах Вроислава Млечного «течет кровь мелких шляхтичей и крупных коммерсантов»; мать Марата Манина «во времена нэпа с успехом выступала на эстраде столичных ресторанов», вот почему и для эстетствующего сноба Манина «призвание — эстрада».

Чтобы не было недомолвок и неясностей на тот счет, куда может привести это мелкобуржуазное засилие нашу литературу, автор романа ставит точку над «и». Когда герой книги размышляет о столь тревожном неблагополучии в советской литературе, перед его мысленным взором вдруг встает фигура власовца, «человека в чужой форме»,— с этой памятной для героя встречи в последние дни войны начинался роман:

«— Я русский! — хрипел парень с голубоватыми бегающими глазками, сжимая рукой черный лакированный чемоданчик. — Шевели!.. Тут культура...»

В лицо Брагину ударили золотые кольца и браслеты. Он задыхался. И вдруг сирень, кипящая сирень запрудила комнату. Книжная этажерка обратилась в силуэт темного замка. Кто-то стонал рядом. Виктор явственно расслышал хриплый голос Сергея (его друга, подорвавшегося на немецкой мине. — Ф. К.): — Смотри... мины... не нарвись!..»

И что самое ужасное — никто не видит, в каком опасном положении находится послевоенная советская литература. Единственный из серьезных писателей, кто пытается противостоять разбушевавшейся мелкобуржуазной стихии, — преподаватель Литературного института Ерошин, «подвижный, худощавый человек с прищуренными озорными глазами». Но, увы! Он предельно одинок в своей борьбе. Одинок до такой степени, что приветствует зеленого первокурсника Виктора Брагина и его немногочисленных друзей как единственную, долгожданную надежду и опору:

— «Вы сами не представляете, как я вас ждал!.. Я ждал вас еще в сорок пятом. По ко мне приходили какие-то аккуратные мальчики, называвшие себя морской пехотой и ротными писарями. Не победители, а какие-то заменители из каптерки!»

Итог плачевный, но, к счастью, неправдоподобный: литератор Ерошин и начинающий поэт Виктор Брагин с двумя-тремя товарищами — вот он, тонюсенький луч света в темном царстве нашей несчастной, наводненной мнимыми низкопоклонства и мелкобуржуазности послевоенной литературы. Таково искреннее убеждение автора. Не случайно он вкладывает в уста генерала Кавуна, «бритоголового рубаки», благословившего солдата Брагина в литературу, примечательные слова: «...Кто про Отечественную напишет? Заглядывал я в журналы — пока не густо. Один будто из окопа не вылазил, другой — из штабного блиндажа». Вот, оказывается, какое запустение наблюдалось в советской литературе в послевоенное время. Не существовало того патриотического подъема, который вызвали в нашей литературе великие и трудные годы войны, — царило лишь торжествующее литературное мещанство. Роман, задуманный как обличение «нездоровых явлений в жизни и в искусстве», обернулся пасквилем на творческую интеллигенцию, дискредитацией партийного лозунга борьбы с буржуазной идеологией.

ЛИТЕРАТУРНАЯ неумелость, пока она ограничивается описаниями «по-лебяжьи белого тела» и переливчатых девичьих «очей», не выходит за пределы эстетического примитива. Литературная неумелость, дерзающая решать сложные проблемы жизни и искусства, выдает на-гора идейный брак.

Идейные просчеты романа «Вечный огонь» не только в том, что здесь искажен и очернен истинный облик советской интеллигенции. Трудно принять и положительный идеал автора. Он олицетворяется прежде всего характером Виктора Брагина, считающего себя по-солдатски откомандированным в поэзию: «было пронзительно-тревожно от предчувствия чего-то нового, неизвестного. В голове шевелились стихи» (выделено нами. — Ф. К.).

С помощью автора Виктор Брагин с легкостью необыкновенной шагает по ступеням «литературной славы, не отягчая себя ни знаниями, ни культурой, ни серьезным трудом. Автор и не скрывает, что его герой приходит в институт необразованным, малоинтеллигентным человеком, — зачем все это, если есть «нутряной» талант, если «в голове шевелятся стихи»? Когда старичок-преподаватель, узнав, что молодой поэт не открывал Бальмонта, предложил ему томик стихов («конечно, в идейном отношении это наш противник. Но техника, техника!.. Есть чему поучиться»), — «Брагин был обескуражен. Он представлял, что все эти символисты, акмеисты и им подобные (к примеру, Блок, Ахматова.—Ф. К.) давно спят вечным сном где-нибудь на старом столичном (?) кладбище... А что — если самому понюхать, чем пахнут эти символисты, акмеисты и иже с ними?»

«Понюхать» — в таких взаимоотношениях находится молодой поэт Виктор Брагин, обучающийся в Литературном институте, с кладовыми человеческой культуры. За всем этим ощущаются убежденный антиинтеллектуализм, небрежение к «интеллигентности», далекое от ленинских заветов отношение к культуре. Единственное, что Виктор Брагин приобрел за время пребывания в институте, — доскональное знание всей закулисной литературной «кухни». По своему духовному уровню и кругу интересов положительный герой романа ничуть не выше героев обнаженно «отрицательных»: он так же поглощен только собой, своим личным успехом, публикацией своих произведений, как и его противники. Автор показывает своего героя, по существу, только в двух ипостасях: в перипетиях «озорной любви» к той самой девице, в глазах которой неутомимо прыгают бесенята, и во взаимоотношениях с черными бесами — Вроинславом Млечным, Шмелевым и пр. Круг замкнулся, и оказалось, что это узкий, тесный, бытовой литературный круг. За пределами его осталось главное: народная жизнь и обязательства литературы перед ней. Что думают об этом автор и его герой?

«Озорные чертики в душе так и подмывали Виктора подать голос». Но — совсем о другом. О серьезных же вопросах творчества, об ответственности литературы перед жизнью Виктор, по существу, не задумывается. Он просто не дорос до этого. Его гражданское и эстетическое самосознание не развито, его суждения о литературе и жизни примитивны и поверхностны.

И вот этого-то неглубокого и незрелого человека, этот нравственный и духовный примитив автор выдает чуть ли не за мессию, призванного вывести многострадальную советскую литературу из болота низкопоклонства, модернизма и эстетства. В нем видит он завтрашний день социалистического реализма, борца за идейность и мастерство.

Характер главного героя книги в неменьшей степени, чем все остальное, убеждает нас: Вл. Федоров написал книгу, пронизанную неуважением к художественной интеллигенции и писательскому труду.

Вл. Федоров. «Вечный огонь». Романы в повестях. Издательство «Советский писатель». М.

Песня. Фото Ю. Любченко

Из лирических тетрадей

Новелла МАТВЕЕВА

***

Верный ручей,
Смиренный ручей при роще,
К роще приникший,
К роще привыкший,
К роще приросший, —
Словно при храме
прихрамывающий служка.
Или принцессе прислуживающий
паж,
Там, где в жасмине и в
жимолости опушка,
Шлейф ее платья
Укладывающий
В экипаж.

Бился так долго
Над этим пустым занятьем,
Что заменилося лицо и черты лица
Реющим в сумраке, в чаще
застрявшим платьем,
Стуком копыта и трепетом колеса.
Верный ручей!
На бегу, на лету ловящий
Каждую складку дерева, каждый
жест
Нетерпеливо гримасничающей
чащи.
Броситься в путь готовой, —
Когда ж отъезд?!

Платье запуталось между цветов,
колючек,—
Шпагою сбей! Руками —
не отцепить.
Разве — в награду — хоть каплю,
ручей, получишь
Собственной влаги, если захочешь
пить?!

Целая жизнь
Превращается в подготовку
К жизни,
А дверь — в предверье...
Но где же риск?!
Вижу сквозь листья возню
и перестановку
Прыгающих на месте холодных
искр...
Слышу сквозь листья призывы,
бряцанье шпоры,
Сбрун серебряный звон,
понуканья, дрожь...
Верный ручей!
Я не верю, что только сборы —
Чистая правда, сама же дорога—
ложь.

Обратное превращение

*Шелковистый бейт я делаю
из камня.*
Рудани.

«Я из камня сделал
Шелковое слово», —
Некогда сказал великий Рудаки.
Да, но он не знал,
Что переводчик снова
Сделает кирпич из шелковой
строки.

□

Максим ТАНК

Село мое

Село мое — небольшое,
но это вовсе не значит,
что через него
можно быстро пройти.

Случись вам остановиться
ненадолго у колодца
дорожную жажду прогнать
или уточнить дорогу, —

вас тотчас же не отпустят
пытливые односельчане мои,
пока обо всем по расспросят:
кто вы,
откуда?

Что слышно в местности вашей,
какой урожай доспевает,
бывают ли часто дожди,
сколько сыграли свадеб?

А после начнут гадать,
какой вам путь пойти дорогой:
мостками
или напрямик,
тропинкой грибной
или трактом.

Поэтому, если спешите,
советую вам идти
не улицей,
а загуменьем.
Там часто бывает грязно,
зато никого не встретишь,
разве что листа.
А я,
хоть и времени нету,
сегодня еще раз
по улице этой пройду.

□

Юрась СВИРКА

***

На север веткой тянется сосна.
Я понимаю:
там ее отчизна.
И это все не так уж беспричинно,
мне в этом малом —
истина видна,

Ведь всякий раз
в дремотный жаркий день
сосна не забывает нам напомнить,
что тень она отбросила
на полночь,
чтоб к родине быть ближе
хоть на тень.

Перевел с белорусского
Гр. КУРЕНЕВ

КОГДА ЗАБЫВАЮТ ОБ ИСТОРИЗМЕ

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

КАКИМ требованиям должна отвечать популярная книга-биография?

Прежде всего она должна опираться на всю полноту имеющихся материалов, должна анализировать эти материалы с партийных позиций, в полном соответствии с принципами научной объективности, с исторической правдой.

Об этих необходимых условиях еще раз напоминает одна из статей 12-го номера журнала «Коммунист» — статья академика И. Дружинина «П. Я. Чаадаев и проблема индивидуализма». В статье содержится обстоятельный разбор недавно вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» биографии выдающегося русского мыслителя Чаадаева, принадлежащей перу А. Лебедева.

Как отмечает академик Н. Дружинин, в книге А. Лебедева, написанной живо, занимательно, есть немало отдельных интересных и правильных мыслей. Тем не менее, подчиняется в статье, нельзя согласиться «с научными приемами и выводами автора биографии».

Н. Дружинин показывает, как автор книги о Чаадаеве, неоправданно сузив тему и односторонне подобрав источники, пришел в результате и «выводам, которые носят на себе печать абстрактности и субъективизма». А. Лебедев не дает правильного освещения сложной, противоречивой личности Чаадаева, его духовной эволюции, сильных и слабых сторон его идейного облика. Автор биографии неверно толкует, в частности, «отчуждение» Чаадаева от мира, уход его в религию: по мнению А. Лебедева, «индивидуализм» Чаадаева был источником его «мудрости» и прогрессивного влияния на идейное развитие русского общества. А. Лебедев крайне преувеличенно преподносит это влияние. Вместе с тем он представляет индивидуалистом мыслителя, который ставил во главу угла социальные проблемы.

Само понятие индивидуализма, пишет академик Н. Дружинин, освещено у А. Лебедева вне реального, точного содержания: автор «не разграничивает таких различных понятий, как индивидуальное духовное богатство и борьба за человеческое достоинство, с одной стороны, и индивидуализм — с другой». Стремление и предельно широким обобщениям, в которых исчезает конкретно-историческое содержание, — вот главный методологический порок книги А. Лебедева.

Существенные недостатки написанной А. Лебедевым биографии замечены в печати и другими авторами. В № 8 журнала «Молодая гвардия» некоторые стороны этой книги критикует М. Лобанов (статья «Личность истинная и личность мнимая»).

И еще об одном выступлении, напоминающем о необходимости социально четкого, научно обоснованного подхода и литературному и философскому наследию.

В 9-м номере журнала «Знамя» с большой статьей выступает А. Дымшиц. Его статья, посвященная книге Л. Копелева «Брехт» (вышедшей в той же серии «Жизнь замечательных людей»), называется «Герой против автора». Привлекая большой фактический материал, А. Дымшиц показывает, что автор — Л. Копелев — во многом вольно интерпретирует творчество своего героя, вызывающегося немецкого революционного писателя, а порой вступает с героем и в прямые противоречия. Л. Копелев, отмечает А. Дымшиц, проделал немалую собирательскую работу, он пишет о Брехте увлеченно, «но, и сожалению, совсем недостаточно выясняет именно РЕВОЛЮЦИОННУЮ целеустремленность большинства художественных произведений своего героя». В иных существенных моментах биограф не уделяет должного внимания реальным историческим условиям, в которых формировались политические и эстетические взгляды Брехта. Л. Копелев «гасит остроту реальных жизненных противоречий, смягчает смысл социальных конфликтов, интересно и сложно отразившихся в творчестве немецкого драматурга».

Научная достоверность, историзм анализа сложных явлений духовной жизни — непременное требование, предъявляемое каждой книге, каждой литературной работе.

поздравляем юбиляра

С. Н. Маркову — 60 лет

В связи с шестидесятилетием Сергея Николаевича Маркова, прозаика и поэта, автора известных поэтических и прозаических произведений, секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру телеграмму, в которой говорится:

«Уважаемый Сергей Николаевич, сердечно поздравляем Вас с днем 60-летия. Желаем Вам доброго здоровья, счастья, творческих успехов».

«Литературная газета» от души желает юбиляру доброго здоровья и творческих успехов.

размышляя над книгой

СУЩНОСТЬ ПОДВИГА

Михаил БРАГИН

ДАВНО работает в литературе Александр Кривицкий: его очерки, «почти рассказы», как иронизирует над собой сам автор, появлялись в газетах, журналах, в сборниках, небольших книгах. Но вот вышли его книги «Не забуду вовек» (Воениздат, 1964) и «Ночь и рассвет» (издательство «Советский писатель», 1965), и стало видно, каких сил и возможностей литератор их написал.

Бессмысленно давать рецепты — как писать о войне, но стоит задуматься над тем, где правда о войне и где правдоподобие. И стоит в связи с этим подумать, почему так интересны сегодня очерки Александра Кривицкого.

Автор пишет, что еще тогда, в 1941 году, он не питал никаких особых иллюзий относительно своего литературного таланта; просто судьба поставила его перед Великим и он это Великое описал. Оценим скромность автора. Но А. Кривицкий увидел в малом великое прежде всего потому, что он зоркий писатель: он прошел школу «Красной звезды», где начал работать задолго до войны; он понимал суть военных явлений и ощутил атмосферу битвы за Москву. В героизме 28 панфиловцев — в деталях огромной битвы — он увидел проявление природы войны и смело пошел к обобщениям.

Очерк Кривицкого в «Красной звезде» о 28 павших героях был написан так, что стал военно-политическим и литературным документом. Чеканные фразы его были похожи на эпитафии, высеченные на граните надгробий героев Октябрьской революции на Марсовом поле. Символом обороны стали слова: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!» По если бы одним этим ограничился Кривицкий, он создал бы только возвышенный Реквием павшим. Сила его страниц о 28 героях и генерале Панфилове в том, что он показал реальное значение массового героизма, его стратегическую весомость. Мне могут сказать, а нужны ли военные истолкования и объяснения в очерковой книге. Разве недостаточно того, что автор раскрыл психологическое состояние своих героев? Недостаточно. Необходимо еще и понимание военной сути явлений.

В октябре—ноябре 1941 года фашистам казалось, что массовым стремительным наступлением танков, за которыми пойдет пехота, они овладеют Москвой, выиграют войну. Кривицкий не мог знать тогда, что центр Москвы уже включен в разграничнную армейского корпуса, нацеленного на центр Москвы, что начальник Генштаба Гальдер записал в своем дневнике: «фон Бок обещал прийти в Москву хотя бы с последним батальоном».

Но военный литератор понимал, что все дело в темпах наступления, все дело в отражении прежде всего танковых атак. И когда 28 панфиловцев дрались на участке в сотни метров — крошечном участке на фронте от Калинина до Курска, — он в этом эпизоде увидел суть борьбы. Панфиловцы выбивали из строя немецкие танки и срывали темпы их наступления. И пусть этот выигрыш на участке взвода, роты исчислялся только часами, но из этих часов сложилось и оперативное, и астрономическое время, потерянное немцами, что и привело их к стратегическому проигрышу. И поэтому автор с полным правом противопоставил никому не известную станцию Дубосеково штабу группы армий «Центр», откуда была отдана директива наступать на Москву.

Основной очерк о подвиге 28 героев написан А. Кривицким не сейчас, когда известны документы, высказались наши полководцы, признались немецкие генералы, когда обсуждены на научных конференциях и определились выводы, а 25 лет тому назад. Тогда у военного литератора были только его глаза, его чутье и познания, накопленные до войны. Он сумел сказать то, что не было сказано в те дни до него. А теперь очерк этот превратился в большой, обстоятельный документальный рассказ, где наблюдения над воинской психологией, портреты людей хорошо сочетаются с оперативно-тактическим фоном и органически взаимосвязаны.

Особое место в очерках занимает психологический портрет генерала Александра Ильича Лизюкова. Всем ясно, как важна способность самого писателя «соразмышлять» и «сопереживать» своему герою. Но такая способность не возникает сама по себе и не гарантируется одним литературным талантом.

Для того чтобы размышлять вместе со своим героем, надо знать тайное тайных его мышления, его дела, ибо жизнь человека есть деяние, как сказал Горький. В этом смысле раскрытие образа военачальника — одна из труднейших задач в литературе. Любовь, ревность, ненависть, коварство и благородство — эти чувства всем понятны, особенно если герои действуют в привычных житейских сферах. Читателю неизмеримо труднее сопереживать военачальнику, думающему о своих профессиональных задачах, хотя от их решения зависит жизнь и смерть десятков тысяч людей и самого военачальника. Проблема жизни и смерти — острейшая в литературе — уходит для командира как бы на задний план, закрывается главной проблемой: победа или поражение.

Я фиксирую на этом внимание читателей, потому что в нашей литературе военачальники нередко говорят не по сути дела, а лишь по поводу дела, авторы пытаются раскрыть характеры вне боев, правда войны заменяется правдоподобием.

Портрет генерала Лизюкова — один из лучших в литературе о Великой Отечественной войне. Перед нами образ трагический, сложный и в то же время цельный и ясный. Читатель видит становление будущего военачальника до войны и в ее начале. Сколько раз в жизни литературных героев возникала тема «Тулона» — тема честолюбия, погони за воинской славой, но Лизюкову, как говорится, было не до того! Он становится собирателем обороны у Борисова на Березине, спасает тысячи наших воинов, теснимых немецкими дивизиями; в этих боях проявляется его военный характер.

В сложной обстановке сражения под Воронежом Кривицкий встретился с командармом Лизюковым и услышал от него: «Подвиги мои приехал описывать? Нет подвигов». Выходило, что корреспонденту нечего было делать в танковой армии, но писатель победил здесь журналиста. Кривицкий остался со своим героем, а через 25 лет рассказал читателям о его трагической судьбе.

«Беда у Лизюкова...» Армия не выполнила приказ командования, была расформирована, сам командарм, Герой Советского Союза, обвинен в трусости.

Сколько выгодных для писателя возможностей нарисовать несчастье, показать, что в поражении армии виновны обстоятельства, что командир без вины виноват. Ничего этого нет у Кривицкого, а в то же время есть глубочайшая драма человека — генерала, — и раскрыта она в подлинной правде военных обстоятельств.

Кривицкий ведет свой рассказ на сугубо мирном фоне. Лизюков, встретившись с автором, даже шутит: «Садитесь. В ногах правды нету». Сознание, зацепившись за, казалось бы, случайную мысль, терзает этого большого и сильного человека. В чем сегодня для него та военная истина, которую он называет правдой? В танках? Нет, не вся она в них. Идет быстрая череда вопросов самому себе. Раздумье ищет точку, на которую оно может опереться, и всплывает единственное: правда — в темпах операции. «Так за темпы?» — быстро подхватывает писатель, поднимая рюмку водки, еще не зная всего, что угрожает Лизюкова. «Поздно, — угрюмо откликнулся Лизюков, — для меня уже поздно».

Люди сведущие знают, что за потерей темпов кроется остановка наступления, даже поражение наступающей армии, напрасная смерть тысяч и тысяч людей, позор для военачальника, чувство вины перед Родиной, перед подчиненными и перед командованием, страстная мечта попытаться все перенграть, повторить наступление, доказать, что ты был прав, а при невозможности этого — сознание напрасно прожитой жизни. Правда наступления танковых армий — в их массировании и стремительности, а эта правда не восторжествовала... Кто из читателей будет сопереживать Лизюкову, не понимая значения фразы — «правда в темпах»?

Вот эта способность Кривицкого заглянуть в суть явлений, раскрыть, как само военное событие влияет на ход мышления героя, как определяет его эмоции, делает его произведение правдивым. Это истина подлинных отношений на войне, а не правдоподобие, которое так часто заменяет правду войны в литературе.

Я хорошо знал Александра Ильича Лизюкова, честного, самоотверженного, храбрейшего танкиста, и понимаю, что такой человек не мог не броситься в пекло боя после поражения своей армии.

А. Кривицкий правильно пишет, что чем выше воинское положение героя, тем важнее не только его личная храбрость в бою, но прежде всего смелость его мысли и самостоятельность. И находит точный, красноречивый пример. За четверть века до описываемых событий другой командарм — М. Н. Тухачевский—писал своему начальнику: «Совершенно невозможно так стеснять мою самостоятельность... Мне лучше видно на месте, как надо делать. Давайте мне задачи, и они будут исполнены, но не давайте рецептов — это невыносимо. Неужели всемирная военная история еще недостаточно это доказала?»

Поставив проблему массирования танков, проблему самостоятельности командующего танковой армией в главе о Лизюкове, показав, что эти проблемы не были решены летом 1942 года, автор развивает эту же тему в рассказе о маршале бронетанковых войск Ротмистрове и показывает, как победоносно проявились закономерности советского военного искусства в 1943—1945 гг.

...Публицистика Кривицкого проникнута чувством историзма: он свободно переходит от партизанских боев на Брянщине в 1943 году к выступлениям прусских патриотов в 1813 году; от боев в Испании в 1938 году к боям в Белоруссии в 1942 году. Все эти темы, взятые в разных ракурсах и жанрах, создают цельную книгу о войне. Трудно писать о войне по-военному, точно и глубоко. Автору это удается. Он широко оперирует сложными военными категориями. А вместе с тем повествование его образно, зримо вплоть до военного пейзажа, то есть художественно. Такое сочетание в военной литературе встречается не так уж часто.

Есть ли в книгах А. Кривицкого недочеты, несовершенства? Разумеется, но у нас было куда больше оснований говорить о том ценном и новом, что вносят они в литературу о войне.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 108 15 сентября 1966 г. 3 стр.

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Канцлер Эрхард и министр обороны фон Хассель. Глава правительства заметно расстроен.

БОНН: Конец «эры Эрхарда»! Канцлерское кресло шатается, — сообщает корреспондент из Западной Германии.

САНТО-ДОМИНГО: Балагер «наводит порядок». О внутриполитическом положении Доминиканской республики рассказывает профессор С. Гонионский.

«Пропустите меня с ребенком и ярачуг». Американский солдат преграждает дорогу. «Джи-ай» подозревают в каждом жителе города заговорщика. Не арестовать ли и этого?

ХМУРЫЕ ДНИ НА РЕЙНЕ

Эдуард МНАЦАКАНОВ

—ЛЮДИ, наслаждайтесь летним зноем, осень будет холодная, — так говаривали между собой депутаты боннского бундестага перед летними каникулами.

Но «людям» не дали наслаждаться. Бурная политическая осень преждевременно ворвалась в затишье лета.

И вот длинные коридоры рейнского парламента вновь раскрылись под ногами *озабоченных* и спешащих «избранников народа». Они собрались на свое первое осеннее пленарное заседание *три недели до назначенного срока.*

И, конечно, не эрхардовский антиконституционный «Закон о стабилизации конъюнктуры», который сегодня обсуждается в первом чтении, заставил боннских политиков в пожарном порядке прервать очаровательное летнее безделье. Едва прибыв в столицу, они принялись лихорадочно (и пока, увы, безуспешно) искать пути к стабилизации боннского правительства, которое, по выражению лидера социал-демократической оппозиции Брандта, сегодня еще не агонизирует, но завтра обязательно вступит в эту менее приятную стадию своего существования.

Можно, конечно, по-разному рассуждать о причинах политического хаоса в боннской верхушке, ставшего в последние дни обязательной первополосной темой всех здешних газет. Наиболее распространенная версия — пресловутый бунт генералов и непрекращающаяся грызня между ними и военным министром фон Хасселем. Пользуясь случаем, наиболее воинственное крыло правящей партии ХДС намеренно убрать фон Хасселя, чтобы поставить на его место «более сильную личность».

Одновременно зашаталось кресло и самого канцлера, которого обвиняют в «слабости руководства» и в «неспособности решать проблемы». Как пишет газета «Франкфуртер рундшау», группа «тузов» от ХДС прямо заявила Эрхарду о «беспокойствии и недовольстве в руководящих кругах германской промышленности» и о их требовании немедленно преобразовать правительство. При этом включение в состав нового, преобразованного правительства главаря боннских милитаристов Штрауса считается делом уже почти решенным.

Наконец, председатель парламентской фракции ХДС Барцель внес предложение: созвать чрезвычайный съезд партии, чтобы попытаться на нем примирить передравшиеся группировки. А Брандт пошел еще дальше. На вчерашней пресс-конференции он заявил о необходимости самороспуска нынешнего состава бундестага.

Дело, как видим, зашло слишком далеко, чтобы его можно было объяснить всего лишь заменой старых бундесверовских генералов другими. Как заявил мне председатель партии «Союз немцев» Йозеф Вебер, подлинную причину кризиса следует искать прежде всего в провале всей внутри- и внешнеполитической концепции правящей партии и ее правительства. Если еще совсем недавно 42 процента опрошенных граждан ФРГ высказывались в пользу Эрхарда, то сейчас эта цифра упала до 33. «Цифры эти тревожны», — пишет «Рейнише пост». А ведь на носу важные выборы в Баварии и не за горами всеобщие выборы! Что же будет потом? Не пора ли приступить, наконец, к переоценке сомнительных политических ценностей Бонна?

Но в западногерманской столице не любят задавать себе неприятных вопросов!

БОНН, 14 сентября.
(По телефону)

В САНТО-ДОМИНГО по-прежнему неспокойно

С. ГОНИОНСКИЙ,
доктор исторических наук

«ТОЛЬКО непроходимый глупец может поверить, будто теперь в Доминиканской Республике все пойдет на лад». — писал английский журнал «Экономист». Хорошо информированный «Мэгэзин оф Уолл-стрит» в свою очередь предсказывал: «До окончания доминиканского кризиса далеко. Можно утверждать, что в некоторых аспектах он еще только начинается».

Действительно, события, происходящие в Санто-Доминго, свидетельствуют о дальнейшем обострении обстановки в стране. Три месяца назад состоялись президентские выборы. В течение двух последних месяцев происходит эвакуация «межамериканских» войск. Казалось бы, положение должно нормализоваться... Между тем, кризис углубляется. Становится достоянием гласности все новые и новые подробности президентских выборов, состоявшихся 1 июня. Как известно, на этих выборах агенты США повели разнузданную кампанию насилия, политических убийств и шантажа, преследовавшую одну цель: помешать победе Хуана Боша, располагавшего реальными шансами на успех. В результате победил американский ставленник Хоакин Балагер.

Заговор империалистических кругов США против доминиканского народа вступил в новую опасную стадию.

Еще в июле в американском посольстве в Санто-Доминго был составлен список североамериканских компаний, которые намерены пустить корни в Доминиканской Республике.

Новый посол США в Санто-Доминго Джон Хью Кримминс заявил: «Мы хотим сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Доминиканской Республике решить все стоящие перед ней проблемы». Посол прежде всего занялся расширением своей агентуры: число сотрудников посольства США (среди которых немало агентов американской разведки), по сообщениям печати, увеличилось за последнее время почти в семь раз и превышает 600 человек.

Экономическое положение страны катастрофично. Господство монополий США и их ставленников привело к тяжелым последствиям. В стране с населением в три с половиной миллиона — 700 тысяч безработных. Детская смертность в Санто-Доминго достигла небывалых размеров — 35 процентов! 60 процентов доминиканцев неграмотны. Доход на душу населения в Санто-Доминго в 15 раз меньше, чем в США.

Характеризуя сегодняшнюю обстановку в Санто-Доминго, упоминавшийся нами журнал «Экономист» пишет: «Хуже всего то, что до сих пор ни в коей мере не решены основные проблемы Доминиканской Республики: экономика и так находится в ужасающем состоянии, а иностранные компании высасывают из нее последние соки. Военная база Сан-Исидро, где сосредоточены самолеты, танки и пехотные части, по-прежнему остается угрозой миру».

Внутриполитическое положение в стране чрезвычайно напряженное. Провокации и вооруженные нападения — повседневное явление. «Неизвестные лица» в центре города убили бывшего лидера левого «Движения 14 июля» Хеноа Эспайльят; убит один из видных руководителей патриотов - конституционалистов Эмилио Мехна Пичирило.

Под предлогом «борьбы с беспорядками» Балагер направил в конгресс проект закона об ограничении деятельности политических партий, отбросив, таким образом, всего через три месяца после избрания игру в «демократию».

В доминиканской столице *циркулируют слухи о якобы* готовящемся государственном перевороте. По мнению печати, эти слухи распространяются для того, чтобы продлить пребывание в стране оккупационных войск США, с их помощью усилить репрессии против доминиканского народа и укрепить позиции ультраправой верхушки армии.

Не случайно, выступая недавно по телевидению, помощник государственного секретаря по межамериканским делам Линкольн Гордон уточнил, что «межамериканские вооруженные силы» еще могут задержаться в Доминиканской Республике, если президент Балагер об этом попросит. Американская печать взирает на вывод войск США скептически. «Крисчен сайенс монитор» считает эвакуацию морской пехоты «символической». По словам этой газеты, американские войска не сумели завоевать доверия ни среди доминиканцев, ни в странах Латинской Америки; не удалось создать и постоянные вооруженные силы, как того хотел Вашингтон.

Но в США от идеи создания «межамериканских сил мира» не отказались. Пентагон хотел бы превратить Организацию американских государств в орудие для осуществления своих милитаристских планов. По мнению государственных деятелей США, «доминиканский опыт» весьма поучителен и полезен. Как сообщает журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», в ближайшее время в Вашингтоне будет опубликован специальный доклад о «достижениях» США в Доминиканской Республике. Доклад этот подготовлен «Центром по изучению вопросов стратегии» при университете Джорджтаун. Примечательно, что этот «научный» центр возглавляет адмирал Бурке, ранее занимавший высокий пост в военно-морском ведомстве.

Победа Балагера на президентских выборах, достигнутая благодаря открытой поддержке интервентов, не только не разрешила кризиса, но еще больше обострила его.

Разбойничьи действия американских империалистов до основания потрясли всю межамериканскую систему. «Присутствие иностранных войск в Санто-Домингo — это пощечина всей Латинской Америке. Трагедия Санто-Доминго — это трагедия всей Латинской Америки. И до тех пор, пока иностранные солдаты топчут землю братской страны, добрых отношений и мира не будет, а будет обида и вражда», — пишет мексиканский журнал «Сьемпре».

В Санто-Доминго по-прежнему неспокойно.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ

Au clair de la lune

« Le Pentagone envisage de satelliser un miroir géant qui éclairerait la nuit, le Vietnam, facilitant ainsi la conduite de la guerre. »
(Les Echos).

Au clair de la lune
Dans le Nord Vietnam

Сегодня у нас выступает Ролан Вакри — постоянный автор сатирических куплетов в парижском еженедельнике «Канар аншенэ». Куплеты написаны на мотив популярной французской песенки «Как при лунном свете мой дружок Пьеро...»

Как при лунном свете...

«Пентагон собирается запустить в качестве искусственного спутника Земли гигантское зеркало, которое должно освещать Вьетнам по ночам, чтобы облегчить американским войскам военные операции».
(Из западной прессы)

Как при лунном свете
Мглой объят Вьетнам...
Сэму в диколетье
Страшно по ночам.
Дядюшке обидно:
Вэгрели хоть куда.
«Ничего не видно, —
В этом вся беда».

Как при лунном свете
Старый дядя Сэм
От волнений втих
Занемог совсем:
«Хоть нарядно бит, —
Я слеву смахну:
Вышлю на орбиту
Зеркало с Луну!»

Как при лунном свете
Грозен Пентагон!
Президент ответил:
«Отвалю мильон!
Будет эскалация —
Лучше ввысь, чем вдаль,—
Для иллюминации
Ничего не жаль!»

Флаг американский
Звездами горит,
Над землей вьетнамской
Зарево стоит.
Так при звездном свете
Хмурый Пентагон
Подарил планете...
Похоронный звон!..

Перевела с французского
С. ТАРХАНОВА

Чудовищная ситуация

Боннские власти отказываются отменить насильственное лишение гражданства, которому нацисты подвергли немецких писателей-антифашистов, в том числе Э. М. Ремарка. Как следует из сообщений западногерманской прессы, усилия граждан Оснабрюка, родного города Ремарка, направленные на то, чтобы вернуть писателю гражданские права, натолкнулись на сопротивление боннских властей. Живущий в Швейцарии писатель так прокомментировал это сообщение: «Возникла чудовищная ситуация, при которой эмигранты продолжают оставаться лишенными гражданства. Насколько я знаю, ни один из виновных в массовых убийствах лишен гражданства не был».

фельетон

«ПРОСТИТЕ, СУДАРЬ, У ВАС ВИДНА НИЖНЯЯ ЮБКА...»

Арт БУХВАЛЬД,
фельетонист американской газеты
«Нью-Йорк геральд трибюн»

ЕСЛИ верить сообщениям газет и журналов мод, в этом году женщины будут носить брюки. Не джинсы или пижамы, а самые настоящие брюки. Каждая женщина должна обзавестись мужским костюмом, так что вопрос о том, кто в семье носит брюки, звучит совсем не смешно.

Чем все это кончится?

...Первым, кто осмелился публично надеть юбку, был г-н Гораций Грингсби, директор рекламного агентства: 20 октября 1967 года он явился на службу в юбке — отчасти ради шутки, отчасти в знак протеста против того факта, что все машинистки его бюро ходили в брюках.

После того как все посмеялись и поострили на этот счет, некоторые служащие-мужчины дали волю своему естественному любопытству, и кто-то спросил:

— Ну, и как вы себя чувствуете в юбке?

— Очень удобно, — признался Гораций. — Ногам гораздо свободнее и к тому же не так жарко, как в брюках.

На следующей неделе некоторые мужчины — коллеги Горация — надели юбки, что немало способствовало рекламе агентства.

Но тогда какой-то рьяный блюститель порядка арестовал Горация, обвинив его в том, что он пытается выдать себя за женщину. Гораций, бывший в свое время одним из лучших игроков в регби, подал жалобу в Верховный суд, который принял историческое решение, составившее эпоху в юриспруденции, заявив, что нет никаких оснований запрещать мужчине носить юбку, если только он не вздумает кричать в переполненном кино: «Пожар!»

Вскоре в «Эсквайре», «Плейбой» и других журналах для мужчин появились модели мужских юбок. Студенты покупали костюмы (юбка с жакетом), инженеры предпочитали *серые* юбки с темно-синей фланелевой курткой спортивного типа, а на побережье Тихого океана любители морских прогулок стали носить поверх купального костюма коротенькие полуюбочки.

Но хотя эта мода получила признание, она еще была далека от совершенства. Потом кто-то заметил, что мужская обувь решительно не подходит к юбкам, и одна чикагская фабрика выпустила туфли на высоких каблуках, соответствующие новому стилю мужской одежды. Это изменило все, и вскоре уж можно было увидеть мужчин, семенящих на «шпильках».

Между тем стали раздаваться жалобы, что зимой в юбках мерзнут ноги. Тогда некий чулочный фабрикант выпустил нейлоновые чулки вместе с подвязками. Этот товар имел такой бурный успех, что поначалу пришлось ограничить продажу, отпуская в одни руки только пару чулок.

Теперь нижняя половина выглядела достаточно прилично,

Из французского журнала «Пари-матч»

и большинство мужчин решило, что не мешает чуть-чуть приукрасить и верхнюю половину. Некоторые стали носить бусы, другие — браслеты, третьи — серьги.

Но эти украшения не шли к короткой стрижке, так что многие мужчины стали отпускать волосы до плеч, а если это было невозможно, надевали парики.

Мужчины оставляли в парикмахерских целые состояния, тратили огромные суммы на косметику, начиная с пудры и кончая румянами и лаком для ногтей.

Таким образом, акцент все больше переносился на мужскую моду и косметику, многие большие магазины отвели им целые этажи, и миллионы долларов расходовались на рекламу товаров для мужчин. Модельеры Парижа и поставщики готового платья с Седьмой авеню забросили женскую моду, которая стала убыточной.

Меньше чем за десятилетие мужчины завоевали этот мир. А что же стало за это время с женщинами? Они продолжали прогуливаться в брюках, и никто на свете не удостаивал их даже взгляда...

Велосипеды для Вьетнама

В знак солидарности с вьетнамскими патриотами писатели ГДР начали сбор средств на покупку для них тысячи велосипедов — незаменимого средства передвижения в трудных природных условиях Вьетнама. В «велосипедный фонд» поступают не только отчисления от гонораров писателей, но и взносы читателей. Каждый, внесший деньги в этот фонд, получает памятный книжный знак с автографом своего любимого автора.

ОКТЯБРЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

образия стилевых и лексических средств самого языка; благодаря тому, что новая художественная интеллигенция получала образование в русских вузах (в пединститутах, в университетах, на специальных факультетах для представителей народов Дальнего Севера и Дальнего Востока и т. п.), благодаря тому, что русский язык сразу открывал дорогу к широкому читателю, в то время как язык малочисленной, ранее бесписьменной народности или племени замыкал писателя в весьма узком кругу.

Писатели, прошедшие этот путь, однако, не становились русскими писателями. Многие из них творили и творят на русском и на родном языках. Кроме того, — и это самое важное, — содержанием их произведений была национальная жизнь. Свободные от своей племенной узости, они с большей полнотой могли опираться на традиции русской и мировой литературы и, более того, на новые общесоюзные традиции, созданные всей советской литературой за предшествующие десятилетия.

Не замечать эти факты было бы неверно, хотя, разумеется, преувеличивать их значение, поспешно идти к широким обобщениям (так, мол, будет и в других литературах, и чем дальше, тем больше) было бы также неверно. Односторонность всегда вредна, особенно в делах строительства культуры.

Мы должны ясно понять, что значение русской литературы для развития других литератур народов СССР определяется прежде всего ее опытом.

До революции центробежные силы, жившие под царским национальным гнетом народов отталкивались от всего русского. Тем не менее передовые писатели всех народов искали в прогрессивной культуре России поддержку в своей борьбе. После Октября, когда отпали центробежные силы и, наоборот, усилились силы центростремительные, пример русской литературы приобретает первостепенное значение.

Все это, вместе взятое, играло выдающуюся роль в формировании социалистического реализма, в литературах народов СССР. Все это играло роль и в образовании национальных литератур СССР, в выработке такого нового явления, как общесоветская традиция.

ВЕСЬМА существенной закономерностью роста всех национальных литератур СССР было партийное воздействие, партийное руководство литературным процессом.

Социалистическая революция 1917 года вызвала глубокий политический раскол в среде художественной интеллигенции. Но политическое размежевание за и против революции только предшествовало более глубокому идейному размежеванию. Весь путь развития советской литературы можно понять под одним определенным углом зрения: с точки зрения борьбы за создание такой литературы, которая была бы «частью общепролетарского дела», выражаясь словами Ленина. В каждом десятилетии в соответствии с исторической обстановкой диалектически ставились и решались задачи такого сближения литературы с жизнью. Иначе сказать: задачи участия литературы в коммунистическом воспитании масс.

Коммунистическая партия на каждом этапе развития советской литературы выступала в качестве важного фактора, оказывающего воздействие на весь литературный процесс. В этом смысле советская литература не только в своем идейном содержании, но и по условиям своего развития представляет совсем новое явление в истории мировой литературы. Значит, надо уяснить главное: философские, теоретические основы литературной политики партии. Следует разобраться в главном понятии, которое является краеугольным камнем в том здании искусства, которое создается в стране коммунизма. Это понятие — партийность.

Что такое партийность? Не противоречит ли она свободе художника? Не является ли она наиболее резким выражением установки на тенденциозную пропаганду, приходящую в противоречие с правдой жизни? Именно подобное толкование партийности проповедуют идеологи буржуазного общества. И именно сюда стремятся они направить свои удары, выступая с позиций защитников «свободы личности».

Философское обоснование принципа партийности дал В. И. Ленин в целом ряде своих сочинений. Духом партийности пронизана философская работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Духом партийности пронизаны статьи о Льве Толстом. Клара Цеткин записала в своих воспоминаниях высказывание Ленина о литературе и искусстве. Это важное высказывание следует здесь напомнить:

«...важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс... *Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс...*» (курсив мой. — К. З.).

Вот почему Ленин говорил также: «...мы (то есть коммунисты. — К. З.) не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Таким образом, для Ленина задача «вмешательства» в литературный процесс, то есть идейная помощь литераторам, непосредственно вытекала из понимания им партийности художественного творчества. Ленин был философом, изменяющим мир. И для него самые отвлеченные умозрительные, философские построения непосредственно связывались с практикой жизни, прежде всего с социальной борьбой.

Партийность литературы социалистического реализма делает эту литературу народной, связывает ее с жизнью народа. Партийность и народность — это две взаимосвязанные стороны свободной литературы нового человечества. Так понимал ее Ленин.

Обращаясь к практике руководства партии советской литературой, мы хотим еще раз подчеркнуть, что все выступления ЦК по вопросам литературы и искусства вызывались конкретной обстановкой. Но сквозь все эти постановления проходит одна черта, о которой *говорил* Михаил Шолохов в своей речи на XX съезде партии:

«Родная партия! У тебя могучий и светлый коллективный разум и материнские руки, умеющие быть и суровыми и нежными. Ты найдешь необходимую форму помощи своим писателям, и когда они, окрыленные твоим вниманием и лаской, создадут новые, достойные тебя, партия, и Родины произведения, благодарный советский и зарубежный читатель в первую очередь тебе скажет свое сердечное спасибо!..»

Например, первые пооктябрьские годы развития литературы в России, на Украине, в Белоруссии, в Закавказье, в Средней Азии, в Татарии и других республиках были насыщены не только острой классовой борьбой вокруг признания писателями Советской власти. Было множество случаев проникновения буржуазных представлений о литературе особенно в теорию новой литературы. Об этом *говорил еще Ленин.*

Одним из проявлений этих чуждых влияний явилось стремление создать особое пролетарское искусство и литературу. Эти стремления нашли организационную форму в виде так называемых «пролеткультов». Теория пролеткультов возникла еще до революции, в условиях буржуазной власти. Сепаратистские тенденции пролеткультов, их попытки существовать самостоятельно вызвали суровую критику со стороны Ленина, вызвали и письмо «О пролеткультах», опубликованное в «Правде» 1 декабря 1920 года. Это письмо было первым выступлением ЦК РКП по вопросам литературы и искусства, опубликованным еще при Ленине. В нем уже содержались основные мотивы политики партии в литературе, нашедшие свое выражение также и в последующие годы.

Для первого периода 20-х годов большое значение имела резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 года).

Анализ состояния и развития литературы в середине 20-х годов, содержавшийся в резолюции ЦК, приводил к мысли о ее значительной раздробленности на соперничающие между собой группировки и течения. Одна из литературных групп, имевшая массовый характер, а именно РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) претендовала на роль господствующей. Среди идейных постулатов РАППа наряду с правильными были и такие, что повторяли идеалистические ошибки пролеткульта, только в более смягченном виде. Несколько лет спустя эти ошибки вылились в лозунг «союзник или враг», в механическое противопоставление писателей — членов партии и беспартийных. Партия же вела борьбу за идейное воспитание, идейный рост всех писателей, вела дело к тому, чтобы создать единую организацию советских писателей.

В резолюции 1925 года говорилось, что партия, всячески помогая росту пролетарских писателей, будет, однако, бороться против проявления комчванства среди них как самого губительного явления. Партия всегда выступала «против легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследству, а равно и к специалистам художественного слова».

На поприще художественного слова — вот где должно в первую очередь идти соревнование между писателями, — в этом был смысл политики ЦК в области художественной литературы.

В середине 20-х годов многие и многие национальные литературы народов СССР еще только начинали свой новый путь. И в резолюции ЦК им была посвящена только одна фраза: «Необходимо обратить усиленное внимание и на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза». А уже через несколько лет на Первом всесоюзном съезде пролетарских писателей (1928 г.) был доклад «Пролетарская литература и национальный вопрос». В Первом всероссийском съезде крестьянских писателей (1929 г.) участвовали представители Украины, Белоруссии, Татарии, Средней Азии и Карелии. А в 1934 году в Первом всесоюзном съезде писателей участвовали уже представители 50 национальных литератур СССР.

ПРИНЦИП партийности литературы нового общества, который выдвинул Ленин, отвечает новой, современной исторической обстановке. Этот принцип не может нравиться старому буржуазному миру. Что ж, это естественно. Ведь этот принцип возник из отрицания старого мира. Этот принцип подобен оружию в борьбе со старым миром. Он «связывает» свободу художника? Нет, он оттягивает плечо, как ружье.

Мухиддин Амин-заде

Умер на 63-м году жизни Мухиддин Амин-заде, один из зачинателей таджикской советской поэзии, заслуженный деятель искусств Таджикской республики. Перестало биться пламенное сердце, полное любви к народу, поэзии, жизни.

Еще в двадцатые годы, когда возникла и начала набираться сил молодая Советская Таджикская республика, Мухиддин Амин-заде выступил с яркими стихами и песнями, воспевая первую в мире социалистическую страну и ее строителей. Таджикские газеты и журналы 20—30-х годов широко печатали его произведения. Художественные коллективы, хоровые и музыкальные кружки включали их в свой репертуар. Вдохновленные его песнями, женщины бросали паранджу в огонь:

Нам паранджа, как тяжкий груз
была — я поняла,
Она лишь горе женщинам несла —
я поняла...

Мухиддин Амин-заде получил высшее музыкальное образование. Это помогло ему с большим успехом перевести на таджикский язык либретто многих опер.

Амин-заде был поэтом большой культуры. Это проявилось не только в его оригинальном творчестве, но и в огромной переводческой деятельности. Он перенес на язык вечного Рудаки и Фирдоуси около 120 тысяч строк из жемчужин мировой поэзии и литературу братских советских народов. Его перу принадлежат первоклассные переводы произведений Гомера, Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Физули, Шевченко, М. Горького, Исаакяна, Маршака, Твардовского, Тихонова, Самеда Вургуна, Назыма Хикмета, Хамзы, Гафура Гуляма, Леониде...

М. Амин-заде ушел от нас в пору творческого расцвета. Стихи и песни поэта останутся незабываемым памятником о нем.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

КОНЧИНА Н. К. ЧЕРКАСОВА

ЛЕНИНГРАД, 14 сентября. (ТАСС). Сегодня на 64-м году жизни скончался после тяжелой болезни Николай Константинович Черкасов, народный артист СССР, создавший около ста ролей в театре и кино, лучшие из которых удостоены пяти Государственных премий. Ленинская премия была присуждена крупнейшему советскому артисту за исполнение роли академика Дронова в фильме «Все остается людям».

Н. К. Черкасов вел большую общественную работу, избирался депутатом Верховных Советов РСФСР и СССР, членом Советского комитета защиты мира.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы русской литературы — Б 8-99-30, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-58-17, внутренней жизни — К 4-06-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067. Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—01000

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ

Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯЙ (зам. главного редактора).